
Тата Шу
ПОДОБРАШКА
СОДЕРЖИТ НЕЦЕНЗУРНУЮ БРАНЬ
18+

Тата Шу
Подобрашка

https://litres.ru/74764034
SelfPub; 2026

Аннотация

Что делать избалованному сыну миллиардера, если однажды отец оставил его без денег, телефона и машины в незнакомом районе под дождём? Продрогший, голодный, с золотой ручкой в кармане, он не может купить даже бутылку воды. А потом встречает его - маленького, мокрого, брошенного котёнка. Двое подобрашек на остановке. Одна случайная прохожая, уставшая от предательств и одиночества, - решает помочь. Она ещё не знает, что этот наглый красавец в дорогом костюме перевернёт её жизнь. Он ещё не знает, что нашёл ту самую, ради которой стоит повзрослеть. Трогательная история о том, как случайная встреча меняет всё, а любовь заставляет строить дом - не из стен, а из доверия.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	11
Глава 3	20
Глава 4	25
Глава 5	31
Глава 6	37
Глава 7	43
Глава 8	49
Глава 9	55
Глава 10	61
Глава 11	67
Глава 12	72
Глава 13	78
Глава 14	84
Глава 15	89
Конец ознакомительного фрагмента.	91

Подобрашка

Глава 1

Николай проснулся в одиннадцать. Как обычно. Солнце уже вовсю светило в окна его спальни. Где-то внизу тихо переговаривались, звякала посуда, пахло свежесваренным кофе и утренней выпечкой.

Коля полежал ещё несколько минут, глядя в потолок, и в который раз подумал о том, что ему, чёрт возьми, повезло с именем. А вот фамилия оставляла желать лучшего. Конечно, ему хотелось бы более звучную фамилию. Например, Шереметьев или Орлов. Но он был Хренов. Коля Хренов. Не повезло.

Но зато повезло в другом. Коля родился с «золотой ложкой» во рту, в прямом и переносном смысле. Его отец Хренов Никифор Фролович был «владельцем заводов, дворцов, пароходов». И помогла ему стать этим самым владельцем женитьба на внучке русского князя-эмигранта, женившегося на дочке французского промышленника. Хотя он сам был из простой крестьянской семьи.

Колины братья-близнецы, которых отец назвал Никанор и Никодим, в свои тридцать шесть лет до сих пор носили эти имена, как клеймо. Никанор Хренов. Никодим Хренов. Звучит? Ещё как. Только не в том смысле, в каком хотелось бы.

Коля представил, как его братья представляются на деловых встречах. «Никанор Никифорович Хренов, заместитель генерального директора по производству». «Никодим Никифорович Хренов, директор по развитию». И все в зале, услышав это, наверное, напрягаются. Не потому, что братья страшные или неуклюжие - они, кстати, вполне себе мужчины, видные, женатые, с детьми. А потому, что это звучит как анекдот.

Что толкало предков давать такие имена своим детям, для Коли было не ведомо. Хотя по семейной легенде его прадед Еремей Хренов своим сыновьям наказывал: «С такой фамилей как у нас не может быть Александров и Елизаветов, только Никифорки, да Парашки. Мы не цари, а крестьянского сословия людишки. И я пока буду гляделками своих внуков народившихся видеть, по другому звать своих деток не могите. И тебе, Фролка, мой наказ - сынов и дочек называть по-русски». Правда это или нет Коля не знал. Да и знать не хотел. Но того факта, что за такие имена братьям в юношестве хотелось мстить, он не отрицал.

И когда пришло время, его братья отступили от правил введённых прадедами, пытаясь исправить эту традицию.

Феликс Хренов, сын Никодима - вот это уже ближе к современности. Коля усмехнулся, вспоминая, как брат Никодим со своей женой Инной чуть не разругались в роддоме, когда он настоял на имени «Феликс». Инна хотела «Максима». Потом сдалась. Теперь Феликс Хренов ходит в школу

и, судя по всему, уже привык к вопросу «ты серьёзно?» при каждом знакомстве.

У Никанора с его женой Таней дела обстояли чуть лучше: дочь Маша и сын Трофим. Трофим Хренов. В свои пятнадцать он уже научился представляться «Трофим Никанорович» и делать вид, что его это не колышет. Хотя Коля знал - колышет. Ещё как.

А у него, у Коли, самое обычное имя. Николай. Ну, почти. Николай Хренов. Тоже, конечно, не без иронии, но по сравнению, не дай бог, с «Федотом Пупкиным» - это просто подарок судьбы. Коля вспоминал, как в детстве бабушка Матрёна по отцу, царство ей небесное, по семейной традиции предлагала назвать его «Парамоном». Мать тогда чуть в обморок не упала. Отец сказал: «Николай. И точка». Коля до сих пор был благодарен отцу за эту единственную уступку в его жизни.

Он сел на кровати, потянулся, хрустнув позвоночником. Тело было упругим, подтянутым - результат долгих лет тренировок. Он скинул одеяло, встал, прошёл в ванную. Зеркало во всю стену отразило его: высокий, широкоплечий, с идеальной щетиной, которая делала его лицо одновременно мужественным и ленивым. Волосы тёмные, чуть длиннее стандарта. Глаза серые, с той самой поволокой, которую так любят девушки в клубах.

- Ну и повезло же тебе, Коля, - сказал он своему отражению, усмехнувшись. - Не Никанор, не Никодим, не Феликс.

Просто Коля. Хренов, конечно, но это уже не исправить.

Он принял душ, натянул дорогой спортивный костюм и спустился вниз. В столовой его уже ждал завтрак. Идеально сервированный стол, свежие круассаны, фрукты, омлет с зеленью и белый кофе без сахара, как он любил.

- Доброе утро, Николай Никифорович, - пропела тётя Паша. - Ваша матушка уже позавтракала, уехали в город, в свой бутик. Новая коллекция из Парижа поступила. Отец с утра уехал в Нижний. Братья напоминали, что вы должны появиться на совещании в пятницу.

Коля сел за стол, откинулся на спинку стула и лениво потянулся к чашке.

- В пятницу? А что, в пятницу совет директоров?

- Совет директоров в пятницу, - подтвердила тётя Паша. - Ваш батюшка тоже велели напомнить.

- Ну, раз велели, значит, приеду, - усмехнулся Коля. - В костюме, с ручкой за тридцать шесть миллионов. Чтобы все видели, что младший сын - тоже при деле.

Он подмигнул тёте Паше, и та, скрывая улыбку, покачала головой.

Коля взял круассан, откусил, прожевал. Подумал о том, что его братья сейчас, наверное, уже третий час сидят в своих кабинетах, перебирают бумаги, решают вопросы, ругаются с поставщиками. Никанор и Никодим. Два трудяги, которые вкалывают как проклятые с утра до ночи, потому что отец так решил. А он, Коля, сидит в этой уютной столовой,

ест круассаны и чувствует себя почти счастливым. Почти.

Почему «почти»? Потому что внутри, где-то глубоко, жил червячок. Маленький, гаденький, который иногда просыпался и начинал грызть. Особенно когда он видел, как Никанор с Никодимом, которые жили по соседству в своих домах, возвращаются домой поздно, уставшие, но довольные. Когда он слышал, как они обсуждают какие-то свои дела, свои проекты. Когда он понимал, что у них есть что-то своё, настоящее, а у него - только спортзал, клубы, соцсети и маленькая месть за то, что он учился вдали от дома. Во Франции. В Сорбонне. Так захотела его мама - Катрин Антоновна. В девичестве Веретская. Теперь уже Хренова. И надо сказать, что она с достоинством носила эту фамилию. И вот он - Коля Хренов - образованный человек, «балакающий» на французском и английском, как на родном русском, был убеждённым бездельником последние два года. Он сам так решил, что работать он не будет, пока не найдёт дело по душе. Денег у его родителей, как грязи в дедовой деревне. Хватит на всё и ещё останется, если, конечно, папа не захочет купить космический корабль с атомной подводной лодкой.

Родителей и братьев это бесило.

Братьев бесило потому что Коле учёба, в отличие от них, давалась легко. И тому подтверждением был его красный диплом в школе и диплом Сорбонны. А они учились нн шатко ни валко. И отец зачастую их называл тугодумами. Но надо отдать должное братьям. Они были упёртыми и институт

закончили. И как Коля разговаривали на французском и английском. Спасибо маме.

Родителей же бесило то, что Коля был в учёбе практически вундеркиндом, но упорно не собирался применять свои знания в жизни.

Но при этом все они несказанно радовались тому, что третий отпрыск Хреновых не был наркошей или лудоманом. И на том спасибо.

Глава 2

Коля отогнал эти мысли. Он не хотел думать о том, что его жизнь пуста. Он хотел просто жить, не задумываясь (пока судьба не решит подкинуть ему «подарок»). И у него это прекрасно получалось.

Он допил кофе, поставил чашку на стол, вышел в холл. Взял ключи от своего спортивного автомобиля, который сиял на парковке как новая монета. Он любил эту машину. Не за скорость, не за мощность. А за то, что она была его. Никанор водил чёрный «Мерседес» - солидно, скучно. Никодим - тоже чёрный, другой модели, но такой же скучный. А у него, у Коли, - ярко-красный «Порше», который привлекал внимание даже на самых загруженных улицах Москвы. И многие из его тусовки ему завидовали. И это было приятно.

Коля сел за руль, завёл двигатель. Двигатель взревел, и он почувствовал, как адреналин разгоняется в крови. Он любил это чувство. Только он, дорога и скорость.

Он выехал за ворота особняка Хреновых, направляясь в спортзал. По дороге он думал о том, что сегодня вечером у него запланировано. Встреча с друзьями в новом клубе. Девочки, музыка, может быть немного алкоголя. Или много, если настроение будет хорошим и повод значительным. Он не планировал жизнь на годы вперёд. Он вообще ничего не

планировал, кроме завтрашнего дня.

И в этом, как ему казалось, и было его главное преимущество перед братьями. Не в именах. В свободе.

Коля нажал на газ, и машина рванула вперёд, оставляя позади особняк, братьев, отца с его вечными разговорами о том, что «пора повзрослеть». Он был уверен, что взрослеть ему не нужно. Он уже взрослый. Просто он выбрал другой путь. Коля усмехнулся, глядя на дорогу. Он был счастлив. Почти.

Коля припарковал свой красный «Порше» на привычном месте у входа в фитнес-клуб. Место было VIP-парковкой, и охрана уже знала его машину в лицо. Охранник, здоровенный парень с квадратной челюстью, приветливо кивнул, когда Коля выходил.

- Добрый день, Николай Никифорович!

- Здорово, - бросил Коля на ходу, даже не взглянув на него.

Внутри клуба пахло хлоркой, потом и дорогим парфюмом. Зеркальные стены, белый мрамор, идеально чистые тренажёры. Коля любил это место. Не за тренажёры, а за атмосферу. Здесь собирались такие же, как он, - дети богатых родителей, которые не знали, чем себя занять. Здесь можно было чувствовать себя своим среди своих. И не думать о том, что завтра, возможно, отец снова заведёт разговор о том, что «пора повзрослеть».

В раздевалке он переоделся в привычную экипировку:

чёрные тайтсы, белая футболка, дорогие кроссовки, которые стоили как средняя зарплата по стране. Посмотрел на себя в зеркало. Хорош. Лучше, чем вчера. Всегда лучше, чем вчера.

Он вышел в основной зал. Там уже вовсю кипела жизнь - кто-то бегал на дорожке, кто-то качал бицепсы, кто-то делал растяжку под руководством персонального тренера. Коля махнул рукой знакомому инструктору и направился к беговой дорожке.

Пробежка. Три километра за пятнадцать минут. Потом груша - десять минут интенсивных ударов. Потом гантели, скакалка, ещё немного упражнений на пресс. Он делал всё на автомате, не задумываясь, почти медитируя. Тело работало, а мысли плыли где-то далеко.

Где-то в районе груши он заметил знакомые лица. Саня и Антоха. Два его приятеля, с которыми он дружил со школы. Они были из той самой тусовки, где все папины сынки и мамины дочки обсуждали, где лучше отдыхать и что круче - «Ламборгини» или «Феррари». Саша был высоким, темноволосым, с вечной улыбкой на лице, которая, казалось, не сходила даже во сне. Антон - пониже, коренастый, с короткой стрижкой и привычкой постоянно вертеть в руках телефон.

Они уже заканчивали тренировку, стояли у фонтанчика с водой и о чём-то переговаривались. Коля подошёл к ним, вытирая лицо полотенцем.

- О, Хренов! - Саня расплылся в улыбке, хлопнул Колю по плечу. - Ну что, братан, как жизнь?

- Хорошо, - усмехнулся Коля. - Что может быть плохо у человека с такой фамилией?

Антоха хмыкнул, отрываясь от телефона:

- Ты бы, Коль, меньше иронизировал над своей фамилией, а то в какой-то момент она может стать пророческой.

- Да ну тебя, - отмахнулся Коля. - Слушайте, парни, есть идея. Вечером сегодня. Новый клуб открылся, говорят, там диджей из Лондона. Девчонок подгоним. Оттянемся по полной.

Саня переглянулся с Антохой. Потом оба отвели взгляды.

- Коль, - начал Саня, и в голосе его послышалась странная, нехарактерная для него неуверенность, - мы, это... мы сегодня не можем.

- В смысле не можете? - не понял Коля. - У вас что, бабки закончились? Я угощаю, не вопрос.

- Не в бабках дело, - подал голос Антоха. - У нас завтра... короче, у нас завтра первый рабочий день.

Коля замер. Посмотрел на них, не веря.

- Первый рабочий день? Вы серьёзно? В смысле - работать?

- А ты думал, мы всю жизнь будем по клубам шастать? - вздохнул Саня. - Батя сказал: «Или ты идёшь работать в компанию, или я отключаю тебе деньги на карточку. Выбирай». Я выбрал. Короче, завтра в девять утра я должен быть

в офисе. Представляешь? В девять!

- Я тоже, - кивнул Антоха. - Меня отец в филиал отправляет послезавтра, в другой город. Говорит, надо научиться работать самостоятельно. А не жить за его спиной. Я, честно говоря, вообще не представляю, что там делать буду. Но он сказал: «Если не хочешь работать, я найду, куда тебя пристроить. Например, в свою строительную бригаду». Я, как представлю, что мне надо будет с лопатой стоять - и тошнит. А ты, Коль, счастливчик. Тебя отец не трогает. Ты живёшь как у Христа за пазухой. А наши бати похоже между собой договорились и решили устроить нам «крещение» работой.

Коля смотрел на них, чувствуя, как внутри поднимается странное, неприятное чувство. Не зависть. Нет. Скорее недоумение. И какая-то тихая тревога, которую он не мог объяснить.

- Да ну вас, - сказал он, стараясь, чтобы голос звучал беззаботно. - Завтра будете усталые, злые, и вас выгонят. Придёте ко мне, и мы снова заживём по-человечески.

- Коля, - серьёзно сказал Саня, - я бы хотел, чтобы ты был прав. Но я вижу, как мой отец на меня смотрит. Он уже устал от того, что я всё время прошу у него денег. Он хочет, чтобы я сам зарабатывал. И, знаешь... может, он прав? Сколько можно?

Антоха кивнул, засовывая телефон в карман:

- Пора взрослеть, Коля. Мне двадцать пять, я не хочу, чтобы меня всю жизнь называли «сыночком». Хочу сам что-то

построить. Сам.

Коля смотрел на них, и внутри него ворочался тот самый червячок. Он вспомнил, как вчера отец смотрел на него тем же взглядом, что сейчас смотрели Саня и Антоха. Взглядом, в котором читалось: «Ты ещё не понял? Ты уже взрослый. Пора». Коля отвернулся, глядя в сторону.

- Ладно, - сказал он, стараясь, чтобы голос звучал беззаботно. - Я понял. У вас там... работа. Похвально. А я, наверное, поеду домой. Отдыхать.

Он улыбнулся той самой своей отрепетированной улыбкой, от которой обычно таяли девушки, но сейчас она вышла какой-то натянутой. Саня и Антоха это, наверное, заметили, но ничего не сказали. Только кивнули, похлопали по плечам, и каждый пошёл к своей машине.

Коля вышел из клуба, сел в свой «Порше». Посидел немного, глядя на парковку. Мысли были липкими, противными. Он посигналил на прощание - громко, раздражённо, как будто мог вернуть своих приятелей, заставить их передумать. Но они уже сидели в своих машинах, и их автомобили медленно выезжали с парковки. Саня в своём чёрном «БМВ», Антоха в серебристом «Ауди». Коля смотрел на удаляющиеся машины, и чувствовал себя покинутым.

Он завёл мотор и поехал домой. Он ехал медленно, почти расслабленно. За окном мелькали дома, деревья, светофоры. Люди спешили по своим делам. У всех была какая-то цель. А у него - только возвращение в пустой дом.

Коля въехал за ворота, заглушил двигатель, вышел из машины. В доме было тихо - мать уехала в свой бутик, отец на работе. Дядя Панкрат, скорее всего, по хозяйству хлопочет на территории. Только тётя Паша привычно шуршала на кухне.

- Николай Никифорович, - сказала она, увидев его. - Обед будет готов через пятнадцать минут. Я ваш любимый суп сварила. И котлеты сделала. Как вы любите.

- Хорошо, - ответил Коля, не глядя на неё. - Спасибо.

Он поднялся в свою комнату. Всё было так же, как и всегда: идеально заправленная кровать, чистый пол, открытое окно, в которое влетал ветер. Он остановился посередине комнаты, чувствуя, как внутри закипает странное, тягучее чувство. Посмотрел на свой спортивный костюм, который он только что снял и бросил на пол.

Прошёл в ванную, включил горячий душ. Вода обжигала кожу, и это было почти приятно. Он стоял под струями, закрыв глаза, и думал о своих друзьях, которые начнут работать. О том, что они выбрали. И о том, что он, Коля Хренов, остался один.

Он вышел из душа, вытерся, натянул чистые штаны и футболку. Посмотрел на себя в зеркало. Всё те же глаза, та же улыбка. Только внутри было пусто.

Коля перешагнул через валяющуюся одежду - протест этому миру - и спустился в столовую. Обед был накрыт так же идеально, как и завтрак. Суп пах ароматно, котлеты были

румяными, к ним подавался картофель с зеленью. Тётя Паша стояла у двери и ждала, пока он сядет.

- Всё отлично, тётя Паша, - сказал Коля, садясь за стол. - Спасибо.

Он взял ложку и начал есть. Вкус был привычным, но сегодня он почти не чувствовал его. Мысли были далеко. Он думал о Сане и Антохе, о том, как они завтра проснутся рано, оденут костюмы и поедут на работу. О том, что у них будет цель. Настоящая цель. А у него только этот обед и пустота.

«Барский сын, - подумал он, откусывая кусок котлеты. - Вот я кто. Барский сын из позапрошлого века. Ем, сплю, трачу деньги и ни о чём не думаю. Только я живу не в позапрошлом веке. Я живу здесь и сейчас. И мне уже двадцать шесть. Как разорвать этот порочный круг?».

Он доел. Встал, чмокнул в щёку тётю Пашу и пошёл обратно в свою комнату. Костюм уже убрали. Всё как обычно.

Коля сел на кровать, взял телефон. Написал своим приятелям: «Ну чё, может, всё-таки передумаете?» За это «чё» маман непременно его бы отчитала: «Николя, ты нас позоришь. Что за речь? Ты образованный человек». Коля улыбнулся своим мыслям.

Ответа от приятелей не было. Они уже, наверное, готовились к завтрашнему дню. Он отложил телефон, лёг на спину, глядя в потолок. И впервые за долгое время ему стало грустно. Он не хотел думать о будущем. Но оно наступало, независимо от его желаний.

Он закрыл глаза. В голове крутилась одна мысль: «Что я делаю? Чем я занимаюсь? Зачем я живу? Когда всё это кончится?»

Ответа не было.

Глава 3

Следующие два дня прошли как под копирку. Коля просыпался около одиннадцати, спускался к завтраку, который тётя Паша подавала с неизменной пунктуальностью, и ехал в спортзал. Но там было пусто. Для него пусто. Саня и Антоха больше не появлялись на их привычной парковке. Их машины не стояли на VIP-местах. Вместо них - другие «БМВ» и «Мерседесы», за рулём которых сидели другие люди, дети других богатых отцов. Люди из их тусовки. Коля делал свои подходы на тренажёрах, но без привычной компании всё это казалось бессмысленным. Груша - удар, ещё удар, но без адреналина, без азарта.

Девицы, которые раньше сами подходили к нему, заигрывали, стреляли глазками, теперь не вызывали у него ничего, кроме лёгкого раздражения. Одна, блондинка с накачанными губами, подошла к нему у фонтанчика:

- Ой, Коля, привет! А ты один сегодня? Может, вечером в клуб?

- Не могу, - буркнул он. - Дел много.

Блондинка удивлённо подняла бровь, но он уже развернулся и пошёл к раздевалке. Он не мог объяснить себе, почему ему не хочется общаться с этими девушками. Раньше он бы улыбнулся, подмигнул, назначил встречу. А теперь про-

сто прошёл мимо.

Дома - тот же ритуал: душ, обед, потом бесцельное зависание в телефоне. Он листал соцсети, смотрел, как Саня и Антоха выкладывают фото в деловых костюмах с подписями типа «Первый день. Вжух!» или «Новая жизнь, старая ответственность». Коля не знал, чему завидовать - их решительности или их свободе. Он чувствовал, что его собственная свобода это ловушка. Но он отгонял эту мысль, каждый раз находя оправдание: «Я ещё успею. Зачем торопиться?»

Вечером второго дня, когда Коля уже собрался подняться к себе, из кабинета отца донёсся голос:

- Коля, зайди на минуту.

Коля вздохнул, но перечить не стал. Он вошёл в кабинет, где отец, как всегда, сидел за большим столом, поверх очков глядя на какую-то бумагу. Рядом на диване расположилась мать, рассматривая свои идеально накрашенные ногти. Никифор Фролович отложил документ, снял очки, постучал пальцем по столу.

- В пятницу совет директоров, - напомнил он, будто Коля мог забыть. - Ты приедешь в костюме и с нормальным лицом. Без своих вечных «я сегодня не выспался».

- Я приеду, пап, - лениво отозвался Коля, усаживаясь на край кресла. - Ты же знаешь, я всегда приезжаю.

- Приезжаешь, - согласился отец, и в его голосе не было привычной сухости, только усталость. - Но только чтобы сидеть, перебирать бумаги и делать вид, что ты что-то понима-

ешь. А надо, чтобы ты понимал, Коля. Ты мой сын. Ты наследник. Братья твои вкалывают с утра до ночи, у них семьи, дети, будущее. А ты что?

- Я живу, - ответил Коля, стараясь, чтобы голос звучал спокойно. - У каждого свой путь.

- Путь? - переспросил Никифор Фролович, и голос его стал жёстче. - Какой путь? Клубы, девицы, эта красная тачка, на которой ты только и делаешь, что даром жжёшь бензин. Тебе уже двадцать шесть, Коля. В твоём возрасте я уже женился, начал строить своё дело. А у тебя даже мыслей нет о том, чтобы создать семью.

Мать подняла голову и посмотрела на Колю тем самым взглядом, который он знал с детства: «Не беси отца». Он проигнорировал его. Повернулся к Никифору Фроловичу:

- Пап, мы уже обсуждали это. Я не готов. Я не хочу создавать семью сейчас. Мне не с кем и мне ещё рано.

- Рано? - отец усмехнулся, но усмешка была горькой. - В твоём возрасте Кодик уже был женат. Норик уже держал на руках Трофимку. Они оба знали, чего хотят. А ты?

- Я хочу спокойно жить, - ответил Коля. - Разве это преступление?

- Нет, - сказал отец. - Но это не жизнь. Это существование. Ты просто существуешь, Коля. А я хочу, чтобы ты жил по-настоящему, как твои братья.

Никифор Фролович помолчал, потом добавил, вставая из-за стола:

- Подумай над моими словами. В пятницу мы продолжим этот разговор. И, Коля, - он посмотрел на сына долгим, тяжёлым взглядом, - не заставляй меня принимать жёсткие решения. Я не хочу этого.

Он вышел из кабинета, оставив Колю и мать одних. Коля сидел, чувствуя, как его накрывает та самая тяжесть, которую он так старался избегать. Мать поднялась с дивана, подошла к нему. Она была в идеальном платье, идеальном макияже, с идеальной причёской, идеально спокойна. Только в её голосе слышалась сталь, когда она прошипела:

- Николя, не беси его. Ты же видишь, он серьёзно настроен. Дождёшься - ушлёт работать в тьму-таракань.

Коля поднял голову, встретил её взгляд.

- Маман, что за слова? Твои родители бы не одобрили того, что их Катрин так выражается. Тьму-таракань? Мам, это ты его настраиваешь против меня?

- Я тебя защищаю, - ответила она. - Ты сам не видишь, что происходит. Он устал от твоей безответственности. Ты умный, образованный мальчик. Неужели тебе интересно так по-глупому прожигать свою жизнь? Отец хочет, чтобы ты повзрослел. И если ты не сделаешь это сам, он сделает это за тебя.

Она развернулась и вышла из кабинета, оставив Колю в тишине. Он сидел, смотрел на закрытую дверь и чувствовал, как внутри закипает странная смесь обиды и страха. Он никогда не думал, что отец может действительно отправить его

куда-то в «тьму-таракань». Он всегда думал, что это просто пустые угрозы. Что отец любит его и не сделает ничего, что могло бы ему навредить. Но мать была серьёзна. Это пугало и одновременно интриговало. А что его отец может предпринять?

Коля поднялся и направился к себе в комнату. Он лёг на кровать, уставился в потолок. Мысли были тягучими, как мёд. «Наверное, он прав, - подумал Коля. - Я действительно живу, как барский сын. Только я не хочу другого. Я не хочу работать там, где видит меня отец. Не хочу жениться, потому что надо. Не хочу ни за что отвечать, что мне неинтересно. Почему я должен делать то, что не хочу?»

Глава 4

Пятница наступила быстро. Коля даже не заметил, как пролетели дни. Он встал рано - впервые за последнее время - и почувствовал себя почти героем. Солнце ещё только начинало светить, а он уже стоял перед зеркалом и примерял костюм.

Он выбрал тёмный, идеально сидящий по фигуре. Белая рубашка с запонками, которые он надевал только на самые важные мероприятия. Туфли начищены до блеска. Волосы уложены. Щетина - идеальная, лёгкая, как у человека, который не прилагает усилий, чтобы выглядеть хорошо. Он посмотрел на себя в зеркало и усмехнулся:

- Ну, Хренов, ты хорош. Даже если у тебя будет в голове пустота, в костюме ты - хоть на обложку.

Он спустился вниз. В холле его уже ждал Никифор Фролович. Отец стоял у выхода, в своём идеальном костюме, с портфелем в руке, и смотрел на часы. Он не обернулся, когда Коля спустился, только сказал:

- Не опоздал. Это уже хорошо.

- Я всегда прихожу вовремя, когда надо, - ответил Коля.

Отец ничего не сказал, только кивнул и вышел на улицу. Коля сделал шаг за ним, уже привычно направляясь к своему красному «Порше». Он заметил, что отец идёт к своей ма-

шине, к чёрному «Майбаху», который стоял у ворот с включённым двигателем.

- Пап, - окликнул он. - Я на своей поеду, не переживай.

- Нет, - коротко ответил Никифор Фролович, не оборачиваясь. - Ты поедешь со мной. Сегодня я хочу, чтобы ты был рядом.

Коля тяжело вздохнул. Посмотрел на свой «Порше», который сиял на солнце, и внутри заныло - он хотел бы сейчас сесть в него, нажать на газ, выехать на трассу и забыть обо всём. Но отец ждал. Коля шагнул к «Майбаху». Шофёр открыл перед ним дверцу, и Коля, ещё раз вздохнув, скользнул на заднее сиденье. Отец сел рядом. Дверь закрылась, и они поехали в офис.

Всю дорогу Коля смотрел в окно, на мелькающие улицы Москвы. Мысли были такими же - мелькающими, беспорядочными. Он думал о том, что сегодня вечером у друзей, может быть, появится свободное время, и он позвонит Сане или Антохе.

Потом он думал о том, что отец сегодня какой-то молчаливый. Необычно молчаливый. Он не ругался, не поучал, не рассказывал о том, что надо браться за ум. Просто сидел и смотрел вперёд.

На совете директоров Коля сидел, как обычно, - на своём месте, в конце длинного стола. Перед ним лежал блокнот, в который он иногда что-то записывал для виду, но в основном просто смотрел по сторонам. В руках была та самая ручка -

подарок на окончание Сорбонны, с инкрустацией из бриллиантов, которая стоила целое состояние. Он крутил её в руках, чувствуя, как она скользит между пальцев, и в ушах звучали скучные речи директоров: что-то о прибылях, об убытках, о планах на следующий квартал.

Он не слышал их. Он смотрел на отца, который сидел во главе стола, строгий, сосредоточенный, и задавал вопросы. На его братьев - Никанора и Никодима, которые, как всегда, были на своих местах. Они выглядели серьёзными, уставшими, но такими живыми, такими нужными. У них была цель. У них было дело.

А у него - только эта ручка.

Когда совещание закончилось, Коля быстро встал, сунул ручку во внутренний карман пиджака, и уже собирался выйти, когда услышал за спиной ровный, спокойный голос отца.

- Коля, не уходи. Поехали.

Коля обернулся, удивлённо подняв бровь.

- Поехали? Куда? Я на такси доеду.

- Поехали, - повторил Никифор Фролович, и в его голосе не было привычной жёсткости. Только какая-то странная усталость. - Я хочу тебе кое-что показать.

Коля хотел спросить, но почувствовал, что спорить бесполезно. Он пожал плечами и пошёл за отцом. Они снова сели в «Майбах», и машина тронулась, увозя их от центра города. Москва мелькала за окнами, а Коля пытался угадать, куда они едут. Может, к новому объекту отца? Или к деловым

партнёрам? Но отец молчал, и Коля не решался спросить.

Через час они оказались в каком-то районе, который Коля не знал. Узкие улочки, старые дома. Здесь не было ни дорогих бутиков, ни стеклянных высоток. Только грязь, серые панельные дома, пробки и прохожие, которые смотрели на чёрный «Майбах» с ненавистью.

- Пап, - спросил Коля, - куда мы едем? Тут же ничего нет.

- Есть, - коротко ответил отец, глядя в окно. - Есть.

Машина остановилась у небольшого супермаркета - старого, с выцветшей вывеской. Коля смотрел на него, и внутри закипало недоумение. Он хотел спросить отца, зачем они приехали в это захолустье, но Никифор Фролович повернулся к нему, и его лицо было непроницаемо, как всегда.

- У меня телефон разрядился, - сказал он, протягивая руку к сыну. - Дай мне твой. Мне надо позвонить. Сходи купи мне, пожалуйста, бутылку воды. Минеральной. Без газа.

Коля смотрел на отца, не веря своим ушам. Он думал, что ослышался. Купить воды? В этом супермаркете? Сын владельца корпорации идёт за водой в захолустный магазин?

- Пап, - осторожно сказал он, - мы что, не можем просто доехать до «Перекрёстка» или «Азбуки вкуса»?

- Можем, - ответил Никифор Фролович, и в его голосе послышалась та самая сталь, которую Коля знал с детства. - Но я хочу, чтобы ты пошёл сейчас. Прямо сюда. Прямо сейчас. И купил мне воду.

Коля хотел возразить, но, встретив взгляд отца, понял:

лучше пойти. Он вздохнул, протянул свой телефон, вышел из машины, оглянулся на отца, который смотрел на него через тонированное стекло, и направился к входу в супермаркет.

Полки были заставлены недорогими продуктами, на кассе стояла очередь из старушек. Коля чувствовал себя не в своей тарелке. Он не знал, куда идти, где искать воду. Он стоял посреди магазина, оглядывался по сторонам, и внутри него закипало странное чувство - смесь злости и стыда.

«Зачем я здесь? - думал он. - Зачем я вообще согласился? Я мог бы отказаться. Но я не отказался. Я приехал. Я стою здесь, в этом дешёвом магазине, и ищу воду. Как какой-то...»

Он не договорил мысль. Просто прошёл к холодильнику, взял бутылку воды, и направился к кассе. Очередь была длинной, и он стоял, сжимая бутылку, чувствуя, как его щиплет от злости и унижения.

Коля подошёл к кассе. Протянул бутылку воды. Кассирша, женщина лет пятидесяти с уставшим лицом, пробила товар.

- С вас восемьдесят рублей, - сказала она.

Коля достал из кармана свою карту, приложил к терминалу. Терминал пискнул. На экране загорелось: «Карта заблокирована».

Он не понял сначала. Просто посмотрел на экран, потом на кассиршу. Та смотрела на него с лёгким раздражением.

- Попробуйте ещё раз, - сказала она.

Коля приложил карту снова. Тот же результат. Он попро-

бовал другую карту. Третью. Везде «карта заблокирована».

Он стоял у кассы, сжимая в руке бутылку воды, и не знал, что делать. Люди за его спиной начали перешёптываться. Кто-то вздохнул, кто-то нетерпеливо переминался с ноги на ногу. Кассирша смотрела на него с лёгкой жалостью.

- Молодой человек, - сказала она, - у вас есть наличные?

Коля открыл рот, чтобы сказать «нет», но слова застряли в горле. Он стоял, чувствуя, как внутри разрастается холод. Все его карты опустели. Все. Он не мог купить бутылку воды за восемьдесят рублей. Он, наследник империи Хреновых, стоял в дешёвом супермаркете с пустыми картами в руках.

Он смотрел на бутылку воды, на кассиршу, на очередь за спиной и не знал, что делать. Не знал, что сказать. Не знал, как выбраться из этой ситуации.

- Я... - начал он, но голос его прервался. - Я, наверное, оставлю. Извините.

Он поставил бутылку на ленту, развернулся и пошёл к выходу. Стеклянная дверь закрылась за ним.

Глава 5

Он вышел из магазина с пустыми руками. Остановился на тротуаре. Посмотрел на то место, где должен был стоять чёрный «Майбах» отца.

Пусто.

Только мокрый асфальт и серое небо, которое обрушило на него первые тяжёлые капли. Дождь начинался всерьёз. Коля стоял посреди захолустного района в идеально сидящем костюме, с ручкой за тридцать шесть миллионов во внутреннем кармане, с пустыми картами в картхолдере и без телефона.

И даже если он сейчас попросит у кого-то телефон, то позвонить всё-равно не сможет. Он не знал номеров. Ни маминого, ни папиного, ни братьев. Все контакты хранились в памяти устройства. Он никогда не запоминал цифры. Зачем? Они были всегда под рукой.

Теперь под рукой не было ничего.

Коля постоял ещё секунду, глядя на пустое место. Потом медленно перевёл взгляд на серые дома, на редких прохожих, которые уже прятались под зонтами, на мокрый асфальт, по которому неслись машины. Он понятия не имел, где находится. Не знал, в какую сторону едет общественный транспорт. Не знал, где станция метро, на котором он от ро-

ду не ездил. И понял: правильно Антоха сказал, что фамилия может оказаться пророческой. Только на данный момент было не хреново, а гораздо хуже - он оказался в полной заднице.

Дождь усиливался. Капли падали на его идеально уложенные волосы, на дорогую ткань пиджака, на начищенные до блеска туфли. Он стоял под этим дождём, чувствуя, как вода просачивается сквозь ткань, как холод пробирается под кожу, и понимал: у него нет ничего. Ни машины, ни денег, ни телефона, ни номеров, ни своей жизни.

Мысли проносились одна за другой - злость, страх, растерянность, снова злость. Он хотел закричать, разбить что-то, но вместо этого просто сжал кулаки и выдохнул. Холодный майский воздух обжёг горло. И... И рассмеялся. От души. Вот теперь в его жизни начинается самое интересное!

Он заметил впереди автобусную остановку. Навес, скамейка. Коля пошёл к остановке. Сел на лавочку, поставил локти на колени, уронил голову в ладони.

Дождь барабанил по навесу. Шумели машины, но он не слышал их.

Он слышал только собственное дыхание и стук сердца, который отбивал одну и ту же мысль: «Что мне теперь делать?»

Он не знал, сколько так просидел. Минуту. Пять. Десять. Время потеряло смысл.

А потом он услышал тихий, жалобный писк.

Коля поднял голову. На асфальте сидел котёнок. Он был

мокрым, дрожал, прижимался к планке, стараясь занять как можно меньше места. Шерсть его слиплась, он был тощим и грязным, а в глазах - огромных, жёлтых, влажных - стояла такая вселенская тоска, что у Коли перехватило дыхание.

Котёнок смотрел на него. Коля смотрел на котёнка.

Они сидели и смотрели друг на друга. Двое брошенных, мокрых, затерянных в этом сером городе существ.

Котёнок пискнул опять - тихо, почти неслышно, будто извиняясь за то, что вообще посмел побеспокоить этого большого, дорого одетого человека. И Коля вдруг понял, что они одинаковые. Этот маленький, грязный, замёрзший комочек шерсти - он был таким же брошенным, как и сам Коля. Он тоже не знал, куда идти. У него тоже никого не было.

Дождь всё шёл. Коля сидел на лавочке, смотрел на котёнка, и внутри него поднималось что-то тёплое. Котёнок смотрел на него своими огромными глазами, в которых была тоска, страх и какая-то странная, почти человеческая надежда.

Коля полез в карман пиджака. Нащупал там белоснежный платок - тот самый, который тётя Паша всегда аккуратно складывала и клала на видное место, чтобы он не забыл взять с собой. Коля никогда им не пользовался. Он вообще не понимал, зачем носить с собой платок, если есть салфетки. Но тётя Паша была настойчива, и он привык таскать его в кармане, даже не задумываясь.

Теперь он достал его. Белоснежный, идеально выглаженный, с вышитой монограммой «Н.Х.» в углу. Коля посмот-

рел на платок, потом на котёнка. Усмехнулся.

- Ну и куда ты такой грязный? - сказал он, разворачивая платок. - Прямо как я. Только я грязный внутри, а ты снаружи.

Он протянул руку, осторожно взял котёнка. Тот вздрогнул, но не убежал. Коля начал вытирать его - сначала голову, потом спину, потом лапки. Платок намокал, становился серым, но котёнок перестал дрожать. Он зажмурился и приоткрыл рот, показывая маленькие острые зубки. Коля вытер его до последней капли, потом посмотрел на платок. Белоснежная ткань теперь была грязной, мокрой, испорченной.

- Жалко, конечно, - сказал Коля. - Тётя Паша расстроится. Но я ей новый куплю. Если, конечно, у меня когда-нибудь будут деньги.

Он встал, подошёл к урне и выбросил платок. Вернулся к лавочке, присел на корточки перед котёнком. Тот стоял на лавке, смотрел на него и ждал.

- Ну что, братишка, - сказал Коля, протягивая руки. - Полезай. Греться будем.

Котёнок позволил взять себя. Коля аккуратно, стараясь не навредить, засунул его за пазуху, под пиджак. Котёнок был маленьким, лёгким, почти невесомым. Он прижался к тёплой груди Коли и замер на мгновение. А потом замурчал. Громко, на всю остановку.

Коля замер. Он никогда не слышал, чтобы кто-то мурлыкал так громко. Этот маленький, мокрый, грязный комочек

шерсти, который только что дрожал от холода, теперь лежал у него под пиджаком и урчал так, будто нашёл самое надёжное место на свете.

Коля сел на лавку, откинулся на спинку. Дождь всё шёл, но теперь он почти не чувствовал его. Он чувствовал только тепло под пиджаком и вибрацию, которая шла от котёнка.

- Ничего, братишка, - сказал он тихо, глядя в серое небо. - Прорвёмся. Ты уж извини, покормить пока тебя не могу. У меня даже восьмидесяти рублей нет, чтобы воды купить. Но я что-нибудь придумаю. Мне надо подумать.

Котёнок не ответил. Он просто продолжал мурчать, и это было лучше любых слов.

Коля посидел ещё немного, чувствуя, как мысли начинают собираться в более-менее понятную картину. Он не знал, где находится. Не знал, куда идти. Не знал, что делать. Вернее он знал, что мог бы сделать: поймать машину и ехать домой, а там расплатиться. Но сейчас он был убеждён в одном: он не вернётся домой. Не сейчас. Не так.

- Хрен они дождутся, что я вернусь домой, - сказал он вслух, и голос его прозвучал твёрже, чем он ожидал. - Я не буду тем, кого бросили. Я сам решу, когда и куда мне идти. И если они думают, что я сломаюсь, - они ошибаются.

Котёнок замурчал громче, будто соглашаясь. Коля усмехнулся, опустил руку на то место, где под пиджаком лежал тёплый живой комочек.

- Ладно, - сказал он. - Подумаем. Что-нибудь придумаем.

Он сидел на лавочке, под дождём, в дорогом костюме, без денег, без телефона, без дома, с котёнком за пазухой. И впервые за долгое время ему не было страшно. Ему было почти хорошо. Потому что он знал: он не один. И он не сдастся. Он сидел в остановке и наблюдал за прохожими и людьми, которые выходят из общественного транспорта, подыскивая «жертву».

Глава 6

Автобус высадил Дарью на её остановке. Дождь разошёлся не на шутку - холодный, майский, с ветром, который задувал под куртку и заставлял зябко кутаться в воротник. Она стояла на мокром асфальте, придерживая сумку с продуктами, и с тоской смотрела на серое небо.

План ехать сегодня в деревню провалился. На такой дороге, да ещё в темноте, на старой дедовской «Ниве» - это верный способ вылететь в кювет. Она решила, что поедет завтра с утра, пораньше. А сегодня - домой, в свою двушку, где тихо и пусто, где никто её не ждёт.

Она вздохнула, поправила тяжёлую сумку и повернулась в сторону дома с остановки. И замерла.

На лавочке, под навесом, сидел молодой мужчина. Мокрый, в дорогом тёмном костюме, который стоил, наверное, как её зарплата за полгода. Волосы его слиплись от воды, но он сидел с прямой спиной и смотрел куда-то вдаль. На его руках - точнее, под пиджаком - что-то шевелилось. И оттуда доносилось тихое, ровное мурлыканье.

Дарья смотрела на него и не верила своим глазам. Он выглядел как инопланетянин, случайно занесённый в этот район. Дорогой костюм, идеально сидящий, даже мокрый, на фоне старых панельных домов и дешёвого супермаркета. Он

не вписывался в эту картину. Никак.

Она хотела пройти мимо, не оборачиваясь. Но он повернул голову, и она увидела его глаза. Серые, уставшие, но в них было что-то, что заставило её остановиться.

- Извините, - сказал он. Голос был хриплым, но вежливым. - У вас случайно нет денег на что-нибудь поесть? Я понимаю, что это странно, но я не могу купить даже воды. У меня нет денег, нет телефона и я не знаю, где нахожусь. И этот котёнок... - он раздвинул полы пиджака, и Дарья увидела маленькую мокрую голову с жёлтыми глазами. - Я нашёл его здесь, он замёрз. Я обещал ему, что накормлю. Но я не могу. Если у вас есть что-то, я заплачу.

Он замялся, потом снял запонки - золотые, с маленькими бриллиантами, которые тускло блеснули даже в сером свете дождя.

- Вот, - сказал он, протягивая их. - Я могу отдать это за тарелку супа. И за ночлег. Это стоит дорого. Я обещаю вести себя прилично. Мне просто нужно подумать, что делать дальше.

Дарья смотрела на запонки, на его лицо, на котёнка, который прижался к его груди и мурлыкал. Она видела, что он не врёт. Он был потерян, мокр, голоден и явно не знал, что делать. Она не знала, почему, но она поверила ему.

- Пойдёмте, - сказала она. - И запонки уберите, нечего ерундой заниматься. Котёнка я покормлю. И вас тоже. Только не вздумайте меня обманывать, а то я вас просто выгоню.

Идёт?

Коля смотрел на неё и не верил своим ушам. Она была обычной, неброской, но в её серых глазах была такая сила, что он почувствовал себя почти спокойно.

- Идёт, - сказал он, вставая и придерживая котёнка. - Спасибо. Я не обману.

- Дарья, - представилась она. - Можно просто Даша.

- Николай, - ответил он. - Можно просто Коля.

Он шагнул к ней, и котёнок, почувствовав, что они двигаются, вцепился коготками в ткань его рубашки. Даша усмехнулась, покачала головой и пошла вперёд, показывая дорогу. Коля пошёл за ней. И впервые за этот долгий, мокрый день он чувствовал, что что-то начинает налаживаться.

Они дошли до её дома под проливным дождём. Даша шла быстро, привычно лавируя между лужами, а Коля плелся следом, чувствуя, как вода окончательно добивает его костюм и затекает за воротник. Котёнок под его пиджаком перестал мурлыкать и просто прижимался к телу, изредка вздрагивая. Они промокли до нитки за те пять минут, что добирались до её подъезда.

Дарья открыла дверь ключом, пропустила Колю вперёд. Он шагнул в коридор и остановился. Огляделся.

Квартира была обычной. Старенький линолеум, потёртый в проходе. В коридоре - вешалка с пальто и куртками, обувь на полке внизу. В большой комнате стенка, на стене - ковёр, на полу - ещё один. Всё чисто, аккуратно, но так... по-совет-

ски. Коля видел такое только в кино и интернете. Он стоял посреди коридора, сжимая в руках мокрые запонки, и не знал, что делать дальше.

Даша, уже скинув мокрую куртку и оставшись в свитере, скомандовала:

- Раздевайся.

Она скрылась в маленькой комнате и через минуту вернулась с растянутыми спортивными штанами и старой футболкой. Протянула их Коле.

- Надевай. Сухое. Чистое. Полотенце в ванной.

Коля взял вещи, не говоря ни слова. Он озирался по сторонам, чувствуя себя в полном ступоре. В его жизни не было таких квартир. Он даже не допускал мысли, что в двадцать первом веке люди могут жить в таких условиях. Всё было скромным, почти аскетичным, но чистым и ухоженным. На стене висели старые фотографии в деревянных рамках, в углу стоял фикус, на подоконнике - герань. Он чувствовал себя так, будто попал в музей советского быта, а не в чью-то реальную жизнь.

Даша, не обращая внимания на его замешательство, подошла к нему и осторожно, но уверенно забрала у него из-под пиджака котёнка. Котёнок пискнул, но не сопротивлялся - только прижался к её рукам.

- Кто же тебя выкинул на улицу, - сказала она, поглаживая его по голове. - Не люди, а сволочи. Поиграли, бросили. Ничего, сейчас я тебя накормлю.

Она унесла котёнка на кухню. Коля слышал, как она открыла холодильник, как зашуршал пакет, как котёнок зачавкал, а она приговаривала:

- Ешь, маленький. Ешь. Всё будет хорошо.

Коля стянул с себя мокрый пиджак, бросил его на пол. Потом рубашку, брюки, носки. Всё оставил кучей в коридоре. Боксёры он не решился снимать, хотя, честно говоря, ему под боксёрами нечем было стесняться. Он шагнул в ванную, быстро помыл над раковиной лицо, под мышками, вытерся жёстким полотенцем, натянул спортивные штаны и футболку. Штаны были коротковаты, футболка узковата, но они были сухими, и это было главное.

Он вышел из ванной и остановился в коридоре.

Даша стояла над его одеждой, уперев руки в бока. Она уже переоделась в домашнее: лосины и футболку, волосы собраны в небрежный пучок. Она смотрела на его костюм, на рубашку, на носки, разбросанные по полу, и в её глазах не было ни капли жалости.

- Слушай сюда, Коля, - сказала она, и голос её прозвучал жёстко, как у командира. - Здесь прислуги нет. И убирать за тобой здесь никто не будет. Всё поднял, почистил, привёл в порядок и шагом марш на кухню. Я сейчас сделаю макароны с тушёнкой. Не стой столбом, а то напялишь на себя свои шмотки и отправишься в обратный путь.

Она сунула ему в руку вязаные носки. Коля смотрел на неё, и внутри него что-то дрогнуло. Её слова были резкими,

почти грубыми, но в них не было злости. Только усталость и какая-то странная, почти материнская забота.

- Я... - начал он, но она перебила:

- Я сказала - поднял. Быстро.

Коля, не говоря ни слова, нагнулся и начал собирать свою мокрую одежду. Он делал это, чувствуя себя одновременно униженным и почему-то почти счастливым. Он делал это сам. Он вспоминал деда Фрола, который приучал его к порядку, свои студенческие годы во Франции. Тогда он жил в семье старшего брата матери Мишеля, который преподавал в той самой Сорбонне. И у него тоже всё было подчинено строгому порядку.

Коля шагнул назад в ванну. Аккуратно повесил брюки и пиджак на верёвки над ванной. Рубашку, носки сполоснул в раковине и повесил на змеевик. Вышел из ванной, взял свои ботинки. Осмотрел их и поставил на обувную полку. Довольно усмехнулся. Натянул на стопы вязаные носки, которые ему оказались в пору. Жизнь заиграла новыми красками. И это было жутко интересно.

Он пошёл на кухню, где на плите уже что-то булькало, а на полу, у батареи, сидел котёнок и умывался.

Глава 7

Коля вошёл на кухню, остановился в дверях. Запах тушёнки и жареного лука ударил в нос, и он почувствовал, как внутри заурчало. На плите шипела сковорода, Даша ловко управлялась с ней, не оборачиваясь. Коля помялся, потом спросил:

- Чем помочь?

Даша обернулась от плиты. В руках у неё был дуршлаг, из которого она сливала воду с макарон. Она посмотрела на него - на его растянутые штаны, узковатую футболку, на то, как он стоял в дверях, неловко переминаясь с ноги на ногу.

- А ты можешь помочь? - усмехнулась она. - Судя по твоему прикиду и холёности, ты, Коля, из высшего общества. Садись и жди. Ты мой гость.

Она отвернулась к плите, ловко вывалила макароны на сковороду, добавила тушёнку, перемешала. Руки её двигались быстро, уверенно, как у человека, который привык управляться с едой без лишних движений. Она нарезала хлеб, открыла банку какой-то домашней закрутки - по кухне разлился сладковато-острый запах лечо.

Коля сел за стол. Смотрел на неё. Она была не из худеньких - лосины обтягивали её попку, и он заметил, что она круглая, упругая, женская. Футболка облегала грудь - пыш-

ную, высокую. Он перевёл взгляд на её лицо: серые глаза, такие же, как у него, только светлее, с лёгкой искринкой. Пухленькие губы, ямочки на щеках. Волосы русые, собранные в небрежный пучок, из которого выбивались пряди.

Коля поймал себя на желании подойти к ней, обнять её, прижать к себе. Но он тут же отогнал эти мысли. Она была манкая, симпатичная, но из другого мира. Тем более подобрала его на улице, да ещё и с котёнком. Нельзя же наглеть.

Даша поставила перед ним тарелку с макаронами. Пар поднимался над ней, и Коля почувствовал, как в животе опять заурчало. Шутка ли? Оголодал под дождём. Он взял вилку, но не успел отправить в рот ни куска - котёнок перестал умываться, подошёл к его ноге и, не раздумывая, по штанине забрался к нему на колени. Устроился, свернулся калачиком и замурчал.

- Завтра этому блохастику надо купить ошейник, лоток, корм и миски, - сказала Даша, садясь напротив.

Коля тут же отозвался:

- Я тебе всё отдам.

- Отдашь, - усмехнулась она. - Конечно, отдашь. Куда ты денешься?

Коля погладил котёнка. Тот мурлыкал, прикрыв глаза, и тыкался носом в его ладонь. Коля отломил маленький кусочек мяса из своей тарелки, подул на него и протянул котёнку. Тот аккуратно взял и зачавкал.

- Больше не давай ему, - предупредила Даша. - Он с голо-

духи слона сейчас может съесть, а ночью нагадит.

Коля убрал руку, взял вилку и начал есть. Макароны с тушёнкой оказались вкусными: простыми, сытными, такими, что он почти забыл, где находится. Котёнок понял, что больше ничего не обломится, улёгся на его коленях и замурчал громче.

- Даш, - спросил Коля, жуя, - а ты меня не боишься? Может, я маньяк?

Даша отправила в рот кусок хлеба, прожевала, потом ответила:

- Маньяк? Маньяки не подбирают бездомных котят и не суют за тарелку супа золотые запонки. Я не боюсь тебя. Приставать не советую. А то без детородного органа останешься.

Коля хохотнул:

- Ну, я всё-таки мужчина. Сильнее тебя.

- Не спорю, - она усмехнулась, - только и я не лыком шита. У меня чёрный пояс по каратэ. Ты лучше о себе расскажи. Как ты такой презентабельный подобрашкой оказался?

Коля жевал макароны, гладил котёнка на коленях и чувствовал, что оказаться у Даши - это подарок судьбы. В голове уже созрел план, но озвучивать его он не торопился. Нужно было расположить Дашу к себе.

Он отложил вилку, откинулся на спинку стула и начал рассказывать.

- Я из большой семьи. Все живут рядом, можно сказать, одной дружной толпой. Отец, Никифор Фролович - из кре-

стьян. Из деревни. Приехал учиться в Ленинградский институт. Встретил мою маму, Катрин Антоновну, и жизнь его перевернулась. Маман из княжеского рода Веретских. Её дед эмигрировал во Францию после революции, женился там на дочери промышленника. Так что маман наполовину француженка, наполовину русская.

Даша слушала внимательно, не перебивая. Только смотрела на него поверх тарелки, и в её серых глазах было любопытство.

- Они живут в загородных домах. Родители, братья с семьями - все рядом. Ну и я, пока отец не решил меня проучить, оставив без средств и телефона у супермаркета, - Коля усмехнулся. - Дом ведёт тётя Паша. Она жена старшего брата отца, дяди Панкрата. Живут они с нами. Тётя Паша - что-то вроде экономки. Командует горничными, садовником и мужем. Она нас с братьями и помогала растить, пока родители были заняты. Она может и по шее нам надавать, и пирожков напечь. Она всех нас иногда зовёт по имени-отчеству и на вы - это её подковырки над нашим происхождением. Но мы привыкли.

- А твоя мама? - спросила Даша. - Как она ужилась в этом мире? Она же княжна по происхождению, выросла в другой стране, а вокруг - крестьянская семья.

- Ужилась, - ответил Коля. - Очень хорошо прижилась. Маман вообще мудрая женщина. Когда отец привёз её в деревню знакомиться с родителями, деда чуть инфаркт не хва-

тил. А маман ему сразу: «Тятенька, давайте я вам скотину покормить помогу». Дед её в хлев повёл, за коровой убирать. И маман, со своими накрашенными ногтями, колечками на пальчиках, взяла и начала убирать за коровой. Дед растаял. Она немного со стороны, как будто не от мира сего. Но это её маска, воспитание. Она так и осталась Катрин Антоновной Веретской, а внутри у неё железный стержень. Фамилию отца взяла, не колеблясь. С тётей Пашей они как сёстры, хотя абсолютно разные. Тётя Паша называет её «Катрин Антоновна», а маман в ответ - «мадам Павлина». И обе этим довольны. Мама держит бутики в Москве и Париже. Это был подарок её отца на свадьбу. Он дал ей стартовый капитал и сказал: «Я хочу, чтобы у тебя было своё дело». И это стало точкой отсчёта для отцовского восхождения на «олимп» владельца своего дела. В последствии, отец перевёз из деревни своих родителей, потом старшего брата с женой и детьми в Москву.

Даша слушала его, подперев щёку рукой. Она смотрела на него внимательно, и в её взгляде было что-то новое - не то уважение, не то удивление.

- А твоя мама… она не жалеет, что вышла замуж за крестьянина? - спросила она.

- Не жалеет, - ответил Коля. - Она говорит, что влюбилась в него, когда он в подворотне заступился за неё. Она с матерью гуляла по Ленинграду, на них напали хулиганы, а отец проходил мимо. Просто встал между ними. И её мать сказа-

ла потом: «Вот за такого иди замуж». Катрин Антоновна последовала её совету. И, судя по всему, не ошиблась.

Глава 8

Они доели макароны. Даша убрала тарелки, поставила в раковину. Коля сидел, гладил котёнка, который уже уснул у него на коленях, и чувствовал, что момент настал.

- Даш, - сказал он, - можно тебя попросить?

- Проси, - буркнула она, вытирая руки о полотенце.

- Можно я у тебя пока поживу? Ну, сниму угол. Я заплачу. И можно твой телефон - мне нужно другу написать.

Даша посмотрела на него долгим взглядом. Потом усмехнулась, покачала головой и протянула ему свой телефон.

- Я думала, что только в кино у богатых бывают проблемы, - сказала она. - На, пиши. Я пока чайник поставлю.

Она отвернулась, включила чайник, потом помыла тарелки. Коля взял телефон, нашёл в контакте Саню и написал:

«Саня, это Колян. Не удивляйся. Это не обман. Перезвони по номеру, что я тебе скину. И если мои меня уже у тебя спрашивали, не сдавай меня».

- Даш, продиктуй мне твой номер.

Даша назвала цифры.

Он отправил сообщение и положил телефон на стол. Даша поставила перед ним кружку с чаем, рядом - маленькую баночку с домашним вареньем.

- Пей, - сказала она.

Коля взял кружку, отпил глоток. Чай был простым, пакетированным, но с вареньем - вкусным. Котёнок на его коленях замурчал громче. Минут через десять телефон зазвонил.

Даша взглянула на экран: незнакомый номер.

Коля взял трубку, и голос Сани раздался в динамике:

- Колян, это ты? Ты где? Ты в порядке? Тут такие разговоры пошли. Твой отец и мать тебя ищут. Все звонят. Что случилось?

- Всё хорошо, Сань, - ответил Коля. - Мне нужна твоя помощь.

Он вкратце объяснил ситуацию. Не вдаваясь в подробности, коротко, по-деловому. Саня слушал, иногда вставлял: «Да ты что», «Охренеть», «Серьёзно?». Даша стояла в углу, смотрела на Колю, скрестив руки на груди.

Коля прикрыл рукой телефон, обращаясь к Даше:

- У тебя какой банк?

- Сбер, - ответила Даша.

- А кому?

- Дарье Андреевне Зинковой.

- Сань, - сказал Коля, - скинь мне на этот номер миллион рублей, в Сбер на имя Дарьи Андреевны Зинковой. И ещё - мне нужны мои документы и ноутбук. Ты к тёте Паше обратись, она меня не сдаст. Только всё это делай не на глазах у моих. Жду звонка.

Он положил трубку. Даша смотрела на него выпученными глазами.

- Миллион рублей? - переспросила она. - Ты что, совсем рехнулся? Кто такую сумму просто так даёт? Как ты её потом отдашь?

- Я отдам, - спокойно ответил Коля. - Он мой друг. Он знает, что я не обманываю.

Через пять минут телефон брякнул, и Даша, взглянув на экран, увидела шесть нулей. Она перевела взгляд на Колю.

- Ну, Коля, ты и фрукт, - сказала она. - Я таких денег даже за два года не зарабатываю. И когда он тебе добудет твои документы? Может, только через неделю?

- Подождём, - ответил Коля, взял батон и начал намазывать на него варенье. - У нас есть время.

- А ничего, что у меня свои планы и своя жизнь? - возмутилась Даша. - Мне завтра в деревню ехать. Картошку сажать.

- И далеко ехать? - спросил Коля, жуя.

- Двести километров, - ответила она.

- Не вопрос, - сказал он невозмутимо. - Съездим, посадим. Как только Санёк всё мне передаст.

Даша смотрела на него, не веря своим ушам.

- Ты что, ополоумел? - выпалила она. - Со мной собираешься в деревню ехать? Картошку сажать? Да ты эту самую картошку, наверное, только в готовом виде видел! А может и не видел. Ешь одних лягушек.

Коля откусил хлеб с вареньем, прожевал, потом посмотрел на неё. В его серых глазах не было насмешки - только

спокойствие.

- Дашуля, я тоже не лыком шит, хоть маменька меня от большой любви и отправила учиться во Францию, но лягушек я даже не пробовал. Я люблю простую еду. И, поверь, пока мой дед Фрол был жив, он нас с братьями заставлял картошку сажать на огороде у нашего особняка. Это теперь у нас садовник. Предки совсем оборзели после смерти бабушки и дедушки, сами в огороде копаться не хотят. Так что я поеду с тобой. Помогу. Заодно развеюсь, на мир посмотрю твоими глазами.

Даша смотрела на него, открыв рот. Потом закрыла. Потом снова открыла.

- Ты серьёзно?

- Абсолютно, - ответил Коля. - Я тебе обещаю, что не буду тебе мешать. Буду делать то, что скажешь. Друзей водить не буду и заплачу за то, что живу у тебя.

- И где ты собрался жить? - Даша развела руками.

- Я привык, конечно, к более комфортным условиям, но у тебя две комнаты. Горячая вода есть. Унитаз смывает. Завтра одежды себе прикуплю, продуктов. Ты главное скажи, что принять ты меня готова. А картошку я с тобой посажу. Документы у меня будут, тогда и решу, что делать дальше.

Даша посмотрела на него, потом на котёнка, который уже спал у Коли на коленях. Вздохнула.

- Ладно, - сказала она. - Но без дураков.

Коля улыбнулся. Глаза его смотрели на Дашу.

- Спасибо, Даш. Ты даже не представляешь, что ты для меня сделала.

- Представляю, - ответила она, садясь напротив и беря свою кружку. - Спасла от голодной смерти. Такие дела. А ты, Коля, - она усмехнулась, глядя на него поверх кружки, - не скучный. Это тебе в плюс.

Она отпила чай. И в кухне повисла тишина: тёплая, почти уютная, в которой оба чувствовали, что начинается что-то новое.

Они допили чай. Даша встала, собрала кружки, поставила в раковину. Коля поднялся с котёнком на руках, чувствуя, что тот мурлыкает, прижавшись к его груди.

- Пойдём, - сказала Даша, вытирая руки. - Покажу тебе твоё место.

Она провела его в большую комнату. Здесь был диван, покрытый пледом. Даша указала на диван:

- Будешь спать здесь. Чистое бельё сейчас принесу.

Она вышла и через минуту вернулась с охапкой постельного белья. Коля неуклюже переложил котёнка на одну руку, принял бельё. Даша смотрела, как он пытается справиться с простынёй одной рукой, вздохнула:

- Давай, клади его. Он не убежит.

Коля осторожно положил котёнка на диван. Тот открыл глаза, недовольно пискнул, но остался лежать. Коля взялся за простыню.

- Ты хоть раз в жизни заправлял постель? - спросила Даша.

- Приходилось, - ответил он.

Она снова вздохнула, отвернулась, вышла из комнаты. Вернулась с тазиком, который поставила в угол. Нарвала бумагу и положила туда:

- Место для кошачьих дел. Котёнок, к тебе обращение!

Котёнок приподнял голову, посмотрел на Дашу, потом на тазик. Медленно слез с дивана, подошёл к тазику, понюхал и деловито занялся делом. Даша усмехнулась.

- Всё, понял. Бывшие хозяева приучили.

Котёнок закончил, аккуратно присыпал бумажку, стряхнул лапки и, задрав хвост, зашагал обратно к Коле. Запрыгнул на диван, устроился на свежей простыне и снова замурчал.

Даша покачала головой:

- Ну всё, теперь ты от него не отделаешься. А куда ты его денешь, когда домой вернёшься? Или мне оставишь?

- Я его теперь не брошу, - ответил Коля, гладя котёнка.

Даша посмотрела на него, потом на котёнка. Усмехнулась:

- Ты ему имя дай.

Коля задумался. Посмотрел на маленький тёплый комочек, который доверчиво закрыл глаза и урчал, прижимаясь к его ладони. Улыбнулся.

- Ник, - сказал он. - Будет Ник.

Даша подхватила тазик и вымыла его. Потом поставила на то же место.

Глава 9

Вечер в особняке Хреновых начинался как обычно. Тётя Паша хлопотала на кухне, накрывая ужин на пять персон: родителей Коли, самого Колю, и для себя с Панкратом. Пахло тушёным мясом, свежей зеленью и домашним хлебом. Она уже расставляла тарелки, когда услышала звук подъезжающей машины.

Никифор Фролович вошёл в дом. Он был спокоен, даже доволен - день прошёл удачно, рабочие вопросы решились. Он был уверен, что Коля уже побывал дома, переоделся, взял деньги и улетел с друзьями в какой-нибудь клуб прожигать свою беспечную жизнь. Мысль о том, что сын может не вернуться, даже не приходила ему в голову.

Он прошёл в столовую. Тётя Паша, накрывая на стол, вскинула на него глаза:

- А где Николай?

Никифор Фролович замер. Он не ожидал этого вопроса.

- Как где? Он разве не приехал? - переспросил он, и голос его дрогнул.

- Нет, - ответила тётя Паша, нахмурившись. - Я его не видела с самого утра. Думала, он с вами.

Катрин Антоновна, сидевшая в кресле с книгой в руках, напряглась. Она подняла голову, отложила книгу и посмот-

рела на мужа.

- Фор, что значит «не приехал»? - спросила она, и в её голосе послышалась сталь. - Где Николя?

Никифор Фролович не ответил. Он стоял посреди столовой, и внутри него разрастался холод. Он вспомнил, как оставил сына в том Нижегородском районе. Как уехал. Как был уверен, что Коля найдёт дорогу домой, возьмёт машину, когда придёт в себя. Он не думал, что Коля может не вернуться.

- Где Николя? - повторила Катрин Антоновна, поднимаясь с кресла. В её голосе уже не было вопроса - только требование.

- Я его оставил, - выдохнул Никифор Фролович.

- Что значит «оставил»? - спросила она, подходя к нему.

- Я хотел его проучить, - сказал он глухо. - Я заблокировал карты, забрал телефон, высадил его в районе... - он запнулся, - я думал, он найдёт дорогу сам. Возьмёт такси. Вернётся. Он же взрослый человек.

Катрин Антоновна смотрела на него, и её лицо медленно бледнело. Она не кричала, но в её голосе было столько холода, что Никифор Фролович почувствовал, как воздух в комнате стал тяжелее.

- Ты оставил его в незнакомом районе, без денег, без телефона, и не убедился, что он вернулся? - спросила она тихо.

- Я думал, он справится, - повторил он, и теперь его голос дрожал.

Панкрат Фролович, который до этого молча сидел в углу, поднялся из кресла. Подошёл к брату и спросил спокойно, но с металлом в голосе:

- Никишка, ты что, рехнулся? Оставить парня в незнакомом районе без денег и без связи? Твой сын двадцать шесть лет жил в тепле, ни в чём не нуждался. Ему и в голову не могло прийти, что с ним так поступят. И ты удивляешься, что он не вернулся?

Никифор Фролович смотрел на брата, и внутри него всё сжималось. Панкрат был прав. Он перегнул палку. Сильно перегнул.

- Я не хотел его терять, - сказал он тихо. - Я хотел, чтобы он стал мужчиной.

- А он и есть мужчина, - ответил Панкрат. - Только ты его таким не видел. Всё, чего он достиг в своей жизни, он достиг благодаря тебе и твоему кошельку. Ты хотел создать преемника, но не дал ему стать самим собой. Ты хотел, чтобы он был тобой. Мало тебе твоих двух копий? Надо было дать ему быть собой. Не поздно ещё всё исправить. Дай бог, чтобы он нашёлся.

Никифор Фролович смотрел на брата, и в его глазах было отчаяние. Он не знал, что ответить. Только медленно опустился на стул.

Катрин Антоновна взяла телефон, набрала номер Никанора. Трубку взяли почти сразу.

- Нор, Николя пропал. Отец оставил его в незнакомом

районе без денег и телефона. Он не вернулся. Собирайтесь, приходите. И обзванивайте больницы.

Никанор, судя по голосу, был в шоке, но переспрашивать не стал. Только коротко бросил:

- Понял. Мы будем.

Катрин Антоновна перевела взгляд на мужа. В нём не было ни злости, ни упрёка. Только усталая решимость.

- Мы найдём его, - сказала она. - Сегодня.

Началась бесконечная череда звонков по больницам, моргам, друзьям Коли. Никодим позвонил в полицию. Ему ответили ровным голосом: заявление о пропаже примут только через трое суток.

- Трое суток? - переспросил он. - У нас нет троих суток. Он же мой брат!

- Таков порядок, - ответили ему.

Никодим сжал трубку.

Катрин Антоновна сидела в кресле, сжимая в руках телефон. Она не плакала. Она ждала. И где-то в глубине души она знала - он жив. Он должен быть жив.

Павлина Григорьевна подошла к Никифору Фроловичу, постучала ему костяшками пальцев по лбу и сказала:

– Ну и дубина ты, Никишка. Надо же было удумать сына оставить под дождём, да ещё и телефона с деньгами лишить.

Она повернулась к Катрин Антоновне:

- Ты, Катрин Антоновна, не переживай. Не твой Никишка сына проучит, а он его. Нагуляется и явится. Подняли тут

всех на ноги. Панкрат, позвони нашему Еремею. Может он у них.

Панкрат Фролович набрал номер сына. Но и там Коли не было. Набрал номер дочери Агриппины. И там не появлялся.

В столовую ввалились запыхавшиеся близнецы. Павлина Григорьевна окинула всех взглядом. Она была невысокой, круглолицей, в домашнем платье, но в её глазах сейчас читалась такая командирская стать, что даже Никифор Фролович, всегда уверенный в себе, почувствовал себя нашкодившим мальчишкой.

- Так, - сказала она, хлопнув ладонью по столу. - Хватит тут стоять, как на похоронах. Панкрат, ставь тарелки для братьев. Никанор, Никодим, садитесь с нами, ужин уже стынет. Поесть надо, а потом уже искать. Голодные мозги плохо работают.

Панкрат молча кивнул и начал доставать из шкафа тарелки. Павлина Григорьевна повернулась к Никифору:

- А ты, Никишка, не сиди. Ешь давай. Нечего себя корить - дело сделано. Теперь надо думать, как исправлять.

Никифор Фролович поднял на неё глаза, но возражать не стал. Он знал - спорить с ней бесполезно. Она уже командовала, и все подчинялись.

- И вот что, - продолжила Павлина Григорьевна, вытирая руки о фартук. - Как поедите, поедете туда, где ты его оставил. Узнаешь, есть ли там камеры наблюдения. Если есть - кому принадлежат. Только и умеете бабло заколачивать. А

как дела коснулось - мозги набекрень. Подключишь службу безопасности. Они у вас круче всех. Пусть поработают.

Катрин Антоновна смотрела на неё с уважением. Она давно знала, что Павлина Григорьевна - это та женщина, которая держит дом в порядке не только по хозяйству, но и по духу.

- Ты права, мадам Павлина, - сказала она, выпрямляясь. - Мы всё сделаем.

Павлина Григорьевна кивнула.

- Ну и правильно. А ты, Катрин Антоновна, - она посмотрела на неё, - не переживай. Найдётся твой Николя. Мальчишка он с головой, хоть и бездельник. Не пропадёт.

Глава 10

Павлина Григорьевна стояла на крыльце, провожая взглядом машины. Катрин Антоновна сидела рядом с Никифором Фроловичем, лицо её было бледным, но она держалась прямо. Никанор и Никодим на своих машинах поехали следом. Ворота закрылись, и наступила тишина.

Она подождала, пока шум машин стихнет вдалеке, и быстро вернулась в дом.

- Старый? - сказала она, делая вид, что поправляет скатерть на столе. - За продуктами в погреб сходи. На завтра надо что-то приготовить. Вдруг Колька объявится, а у нас ничего нет. Иди, принеси овощей, - кивнула она в сторону двери. - Я пока тут приберусь.

Как только его шаги стихли на лестнице, Павлина Григорьевна достала телефон. Нашла номер Сани. Нажала вызов.

Трубку взяли не сразу. На том конце раздался неуверенный голос:

- Ало?

- Саня, это я, тётя Паша, - сказала она без всякого «здрасте». - Если ты мне скажешь, что не знаешь, где наш Николя, можешь в нашем доме больше не появляться. Я тебя знаю, ты дружок его. Говори давай, где он?

Саня на секунду замялся, потом выдохнул:

- Павлина Григорьевна, честное слово, я не знаю, где он. Звонил он мне, просил помочь. Сказал, что у него всё нормально, но чтобы я не сдавал его родителям. Я скинул ему немного денег, правда на карту какой-то Даше. Просил ноутбук и документы. Но где он сам - я понятия не имею. Я вам завтра с утра хотел позвонить.

Павлина Григорьевна слушала, и внутри неё утихала тревога. Она знала этого парня с детства - он не врал. Но она знала и то, что Саня был тем человеком, через которого можно было передать Коле вещи.

- Ладно, - сказала она. - Давай так. Приходи к нам сейчас. Я соберу всё, что он просил. Но смотри - не светись. Он сам сказал - не светить. Подойдёшь к моей калитке с чёрного хода, кинешь сообщение. Я вынесу сумку. Понял?

- Понял, - быстро ответил Саня. - Буду.

Павлина Григорьевна сбросила звонок и немедленно направилась в комнату Коли. Шаг её был лёгким, быстрым - для женщины её возраста она двигалась удивительно проворно.

Она открыла гардеробную и начала собирать спортивную сумку. Она сунула в неё лёгкую куртку, спортивный костюм, две футболки, пару носков, пару трусов. На дно - кроссовки. Сверху - ноутбук. Отдельно в кармашек - паспорт. Застегнула. Прислушалась.

Внизу было тихо. Панкрат ещё возился в погребе.

Она шмыгнула вниз, как мышка. Заглянула на кухню - пу-

сто. Быстро прошла в холл, открыла шкаф-купе и спрятала сумку за коробками с обувью. Закрыла дверцы, выдохнула. Сделала шаг назад, поправила платье и села в кресло перед телевизором, взяв пульт в руки.

Не успела она переключить канал, как послышались шаги. Панкрат. Он поставил корзину с продуктами на кухне и вышел в гостиную.

- Чего тебе старая не имётся? - проворчал он. - Весь ужин теперь собакам отдашь. Никто почти ничего не ел. А ей бы только всех накормить. Кусок в горло не лезет. Время десять вечера, а от Кольки ни слуху, ни духу. Сидит смотрит этих клоунов в ящике, ручки сложила. Небось наш Еремей пропал бы - забегала как угорелая.

Павлина Григорьевна не обернулась. Только поправила подушку за спиной и сказала:

- Панкрат Фролович, ты бы шёл к себе. Отдохнул. Почитал. Или спорт свой посмотрел. А я посижу тут, подожду хозяев.

Панкрат остановился, прищурился. Посмотрел на жену долгим, изучающим взглядом.

- Старая, - сказал он медленно, - ты чего крутишь? Странно, что за любимчика твоего у тебя душа не болит. Ты ж его всегда опекала, как наседка.

Павлина Григорьевна наконец повернула голову и посмотрела на мужа. В глазах её была усталость, но в голосе - спокойствие.

- Болит, Панкратушка, ещё как болит. Только сдаётся мне, что Коленька не в беде. Схоронился где-нибудь у приятелей, решил папеньке насолить. Иди, полежи. Таблеточку под язык положи, тебе нельзя нервничать. На иголочки ляг. Спина у тебя небось болит после починки курятника.

Панкрат хотел что-то сказать, но вместо этого вздохнул, покачал головой и пошёл к себе.

- Ладно, старая, - буркнул он уже у двери. - Твоя взяла. Но если Колька найдётся - я тебе первый скажу: «А я что говорил?»

- Иди уже, - усмехнулась она. - Скажешь.

Павлина Григорьевна сидела в кресле, делала вид, что смотрит телевизор, но на самом деле прислушивалась к каждому шороху. Где-то в глубине дома бурчал Панкрат, на улице ветер шумел в кронах деревьев, и дождь стучал по стеклу.

Телефон тихо завибрировал в кармане. Она достала, глянула на экран - сообщение от Сани: «Я у калитки».

Павлина Григорьевна поднялась бесшумно. На цыпочках прошла в холл, открыла шкаф-купе, достала сумку. Шмыгнула к боковому крыльцу. Открыла входную дверь, выскользнула на улицу. Брякнула ключами, открывая калитку. У калитки стоял Саша - взъерошенный, сбитый с толку.

- Держи, - сказала она, сунув ему сумку. - Там всё, что он просил.

Саня принял сумку, хотел что-то сказать, но Павлина Григорьевна перебила:

- Коле передай - пусть мне напишет. Номера телефонов ему не забудь передать. А то Никишка-ирод лишил его даже телефона. И телефоны родных, и друзей, и мои - пусть все запишет.

Саня кивнул, но она не закончила.

- Денег-то сколько ему дал? - спросила она, уперев руки в бока.

- Он миллион попросил, - ответил Саня.

Павлина Григорьевна охнула и всплеснула руками:

- И ты дал? Ох, горе горькое. Немного. Вас бы на хлеб с водой посадить, узнали бы тогда, что такое немного. Миллион! Он там с ума сойдёт от таких денег.

Она прищурилась, глядя на Сашу в упор:

- Скажи-ка мне, милок, у какой такой Даши наш Николя схоронился? И не ври мне.

- Павлина Григорьевна, век воли не видать. Понятия не имею. Сам в шоке.

Тётя Паша погрозила ему пальцем:

- Смотри мне! Не дай бог, соврал.

- Всё сказал как на духу.

- Иди уже, а то вдруг наши скоро нагрянут. Не дай бог, увидят.

Саня хотел сказать что-то ещё, но Павлина Григорьевна вытолкала его за калитку, щёлкнула замком, развернулась и быстро, почти бегом, вернулась в дом. Закрыла за собой дверь, прислонилась к ней спиной, перевела дыхание. Всё

сделано. Теперь Коля получит паспорт, деньги, связь с миром. И, самое главное, - он будет знать, что его ждут.

Глава 11

Катрин Антоновна молчала всю дорогу до района, где Никифор Фролович оставил Колю. Она сидела рядом с мужем на заднем сиденье «Майбаха», сложив руки на коленях, и смотрела в окно на мокрые улицы. Дождь не прекращался, и город казался серым, промозглым, чужим.

Когда машина остановилась у злополучного супермаркета, она вышла первой, даже не дождавшись, пока Алексей откроет дверь. Никифор Фролович вышел следом, нахмуренный, молчаливый. Подъехали братья. Они вылезли из своих машин, на ходу застёгивая куртки, и направились к отцу.

- Осматривайте всё, - коротко приказал Никифор Фролович. - Камеры, магазины, опросите людей.

Сыновья разошлись в разные стороны. Катрин Антоновна стояла у входа в супермаркет, не обращая внимания на дождь. Она смотрела на то место, где, по словам мужа, он оставил их сына. Пустой тротуар, мокрый асфальт, серая стена. Она пыталась представить, как Коля стоял здесь один, без денег, без телефона, под этим дождём.

Через полчаса братья вернулись. Никанор вытер лицо рукавом:

- Камер почти нет. Только у супермаркета, и та дрягается на проводе. Продавщица говорит, что она уже месяц не ра-

ботает. Никто ничего не видел.

Никодим добавил:

- Мы обошли аптеки и ларьки. Везде глухо. Люди даже не помнят, чтобы кто-то странный здесь появлялся.

Катрин Антоновна повернулась к мужу. В её глазах не было слёз - только ледяная, убийственная сталь.

- Фор, - сказала она, и голос её был тихим, но каждое слово врезалось в тишину, - если с нашим сыном что-то случится, я тебя прикончу собственными руками. Я буду хлебать баланду за решёткой с дворянским достоинством и чувством глубокого удовлетворения.

Никифор Фролович, и без того понимая, что перегнул палку, сорвался. Он повернулся к ней, не стесняясь ни сыновей, ни Алексея, который стоял у машины с каменным лицом:

- Катрин, это ты виновата, что твой Николя вырос лентяем и бездельником. То машину ему подаришь вычурную, то ручку за хренолион денег. Ничего с твоим Николя не случится. Небось, валяется с очередной девкой и посмеивается над нами. И молчи, я не посмотрю, что ты дворянка!

Он погрозил кулаком неизвестно кому и продолжил, повышая голос:

- Ещё скажи мне, что он умный и хороший мальчик, а я к нему не справедлив. Умный! Выкрутится сучонок. Пощекочет нам нервишки и явится дальше бездельничать! Я пальцем больше не пошевелю. И искать его не буду! Он не иголка

в стогу сена. Найдётся не живой - дак мёртвый!

Он развернулся к шофёру:

- Алексей, домой!

Потом посмотрел на сыновей, которые стояли под дождём, мокрые, растерянные, и рявкнул:

- А вы чего уставились? Вас дома дети и жёны ждут. Я вам, блядь, всем покажу кузькину мать! Не посмотрю на вашу голубую кровь, белую кость.

Братья переглянулись, но промолчали. Катрин Антоновна спокойно выслушала тираду мужа. На её лице не дрогнул ни один мускул. Она повернулась к сыновьям, и голос её был мягким, почти ласковым:

- Мальчики, поезжайте по домам. И не забудьте на ночь попить горячего молока с мёдом. На улице зябко и мокро.

Никанор и Никодим смотрели на неё, и в их глазах читалось уважение. Они кивнули и пошли к своим машинам. Катрин Антоновна села в «Майбах», рядом с мужем. Закрыла глаза и сказала шофёру:

- Алексей, трогайте.

Машина тронулась. Катрин Антоновна сидела с закрытыми глазами, и в голове её крутилась одна мысль: «С Николя всё в порядке. Я знаю. Я чувствую».

«Майбах» въехал за ворота особняка. Дождь всё ещё моросил, но уже не так сильно. Катрин Антоновна вышла из машины первой, не оглядываясь на мужа. Никифор Фролович вышел следом, хлопнул дверцей, но ничего не сказал.

Они прошли мимо Павлины Григорьевны, которая стояла в дверях, встречала их, и скрылись в своём крыле.

Павлина Григорьевна проводила их взглядом и усмехнулась. Она прекрасно знала эту пару. Никифор Фролович мог лютовать, ругаться как последний сапожник, но Катрин Антоновна ничего не боялась. Она знала: пройдёт час-другой и он остынет, придёт к ней, сядет на край кровати, возьмёт её руки в свои и начнёт целовать пальцы. И она позволит ему, потому что знала его характер не хуже, чем свой собственный.

Павлина Григорьевна довольно усмехнулась, покачала головой и пошла к себе. У двери их спальни она остановилась, прислушалась. Панкрат Фролович уже дремал в кресле перед телевизором. Она вошла тихо, села на край кровати и улыбнулась своим мыслям. «Ничего, - подумала она. - Найдётся наш Коленька. Не в первой ему проверять родителей на прочность».

А у ворот особняка, где только что скрылся «Майбах», остановились две машины - Никанора и Никодима. Братья вышли одновременно, злые, мокрые, уставшие, но не расходились.

Никодим вытащил пачку сигарет, протянул брату:

- Давай перекурим.

Никанор поморщился, отодвинул пачку:

- Не буду. Таня учует, будет ругаться. И так хватит на сегодня потрясений. Давай тачки загоним и по домам.

Никодим убрал пачку обратно:

- И моя начнёт мозг выносить. Как думаешь где этот бездельник?

- Где он может быть? Кувыркается с какой-нибудь красоткой в койке или в клубе завис, да над нами посмеивается, - ответил Никанор.

- Ладно, давай, братан. Пойду, а то моя Иннушка родит раньше времени. Так бы и врезал сейчас паршивцу!

- А я бы добавил, - согласился Никанор.

Братья переглянулись. Разошлись, загнали машины в гаражи и пошли каждый к своему дому. Ночь опускалась на особняк Хреновых, и в каждом доме было по-своему тихо. Кто-то ждал. Кто-то надеялся. Кто-то просто верил, что Коля вернётся.

Глава 12

Коля лежал на чужом диване, глядя в потолок. За окном всё ещё моросил дождь, но в комнате было тепло и сухо. Ник, маленький комочек, пристроился у него под боком и тихо урчал. Коля гладил его, чувствуя, как вибрация разливается по всему телу, и думал.

Он думал о том, как странно устроена жизнь. Ещё вчера у него было всё: деньги, машина, дом, свобода делать что угодно. Правда, свобода была не совсем свободой - отец держал руку на пульсе. А сегодня выпустил его на волю. Только выпустил не в мир, а в никуда. И теперь у него нет ничего, кроме этого дивана, котёнка и девушки, которую он знает всего несколько часов. И почему-то это не пугало его. Напротив, внутри разливалось странное, почти забытое чувство - азарт.

Он вспомнил, как Даша стояла у плиты, как ловко управлялась с макаронами, как смотрела на него своими серыми глазами. Она была не из тех девиц, которые вешались на него в клубах. Она была другой. Решительной, прямой, бесстрашной. Она не боялась его, не лебезила, не пыталась понравиться. Она просто делала то, что считала нужным: накормила, приютила, пригрозила лишить детородного органа. И он почему-то ей верил. В ней было что-то от тёти Паши - та же командирская стать, та же привычка говорить правду в лицо,

не оглядываясь на последствия.

Коля улыбнулся своим мыслям, погладил котёнка и закрыл глаза. Он не знал, что будет завтра. Не знал, когда Саня привезёт документы. Не знал, согласится ли Даша взять его с собой в деревню. Но он знал одно: это приключение - самое захватывающее в его жизни. И он не хотел, чтобы оно заканчивалось.

А в соседней комнате, в своей маленькой спальне, лежала Даша. Она тоже не спала и в её голове крутились мысли.

Красавчик. Явно из очень богатой семьи. Она видела его костюм, его запонки, слышала, как его друг в лёгкую отстегнул миллион. Миллион! Она даже представить не могла такие деньги. Они лежали на её карте - сумма, которую она не заработала бы за несколько лет. И этот Коля просто сидел на её кухне, пил чай с вареньем и говорил о том, что поедет с ней в деревню сажать картошку.

Она хмыкнула про себя. Смешной он. Наглый, самоуверенный, но в то же время какой-то… настоящий. Он не пытался казаться лучше, не юлил. Он просто сказал, что попал в переплёт, и ему нужна помощь. И она поверила ему. Почему? Она не знала. Может быть, потому что он подобрал котёнка. Может быть, потому что он смотрел на неё так, будто она была единственным человеком, который мог его спасти.

Она закрыла глаза, чувствуя, как усталость наваливается на неё. Мысли становились тягучими, сонными. Коля… красивый, наглый, ироничный, такой чужой. Но почему-то она

уже не хотела, чтобы он уходил. Она не заметила, как провалилась в сон.

Телефон зазвонил резко, пронзительно. Даша подскочила на кровати, не сразу понимая, где она и что происходит. Она схватила телефон, взглянула на экран - незнакомый номер. Посмотрела на часы. Полдвенадцатого. Ночь-полночь, а кому-то не спится.

- Алло? - сказала она хрипло.

- Даша? Это Саня. Друг Коли. Он у тебя? - голос в трубке был взволнованным, но сдержанным.

Даша замялась на мгновение, потом ответила:

- Здесь он. Спит.

- Скажи ему, что я всё сделал. Ноутбук и документы у меня. Я подъеду. Мне нужно ему отдать. Скажи мне свой адрес.

Даша назвала адрес и пошла в большую комнату, будить Колю.

Даша толкнула дверь в комнату и заглянула внутрь. Коля сидел на диване, гладил котёнка и смотрел в окно. Он не спал. Она удивлённо подняла бровь.

- Ты чего не спишь? Только что твой друг звонил. Я дала ему адрес.

Коля перевёл на неё взгляд, улыбнулся:

- Ждал Саниного звонка. Я был уверен, что он приедет сегодня. Давай пока чайку попьём. У тебя варенье вкусное.

Он подхватил котёнка, который проснулся, завозился и начал вырываться из рук. Коля отпустил его на пол. Тот

стремглав полетел к тазику, стоявшему в углу, ловко запрыгнул внутрь, сходил по большому и начал тщательно закапывать. Коля с Дашей стояли и смотрели на этого подобрашку.

Котёнок выпрыгнул из тазика, отряхнул лапки и с достоинством направился на кухню. Даша усмехнулась:

- Убирай за своим питомцем.

- А как? - спросил Коля, растерянно глядя на тазик.

Даша, уже направляясь на кухню, отчеканила на ходу:

- Берёшь тазик, наливаешь воды и всё выливаешь в унитаз. Скачиваешь тазик, протираешь туалетной бумагой. Рвёшь снова бумажки. Всё. И руки потом помой.

- Ну, руки-то мыть могла бы меня и не учить, - буркнул Коля, морща нос от неприятного запаха.

- Поумничай ещё, приживалец, - откликнулась Даша с кухни.

Коля вздохнул, взял тазик и отправился в ванную. Он проделал всё, как она сказала: вылил, сполоснул, протёр, нарвал свежей бумаги. Вернулся на кухню, где Даша уже заварила чай и поставила на стол варенье.

Котёнок, довольный, чавкал из блюдечка макароны с тушёнкой, которые Даша поставила ему на пол. Коля сел за стол, взял кружку, отпил.

- Коль, - сказала Даша, глядя на котёнка, - мне кажется, что он был домашним. Приучен к лотку, ведёт себя прилично. Может, объявление дать? Может, его ищут?

- Пусть ищут, - буркнул Коля, отпивая чай. - Я не собира-

юсь его отдавать. Надо смотреть за животным.

Даша хотела возразить, но Коля её опередил:

- Даш, я о себе рассказал. Может, ты мне о себе тоже расскажешь?

- С чего бы это? - спросила она, садясь напротив.

- Ну как с чего, - улыбнулся он. - Нам с тобой под одной крышей жить придётся долго. Должен же я как-то понимать ситуацию.

Даша усмехнулась, покачала головой:

- Коль, а ты берега не перепутал? С чего это мы будем жить под одной крышей? Да ещё и долго. Дружок твой скоро появится, и я надеюсь, что тебя заберёт.

- Нет, Даша, - сказал он спокойно. - Я у тебя поживу. Купим всё этому обжоре. Купим мне телефон. За снятый угол я тебе заплачу. Деньги тебе будут не лишние. Продукты обязуюсь покупать по твоему списку. Ты меня ещё чему-нибудь полезному научишь. Посадим тебе картошку. Я посмотрю твою деревню. А дальше посмотрим.

Он смотрел на неё, и в его серых глазах было столько уверенности, что Даша на мгновение засомневалась, что это ей, наверно, снится. А он просто сидел, пил чай с вареньем и ждал её ответа.

- Коль, а ты не боишься, что твой миллион очень быстро кончится. А тебе его ещё отдавать.

- Не боюсь. И миллион отдам и не разорюсь. Не переживай. Рассказывай.

Глава 13

Даша тяжело вздохнула, отпила чай, поставила кружку на стол и посмотрела на Колю.

- Неудобно мне рассказывать постороннему человеку о своей жизни, - сказала она.

- А ты представь, что я твой закадычный друг, - подбодрил её Коля.

Даша усмехнулась, качнула головой:

- Друзья не пялятся так на женские прелести, Коля. И не втирай мне, что ты даже и не думал.

Коля поперхнулся чаем, закашлялся, вытер губы тыльной стороной ладони от её прямолинейности.

- Даш, ну ты же не уродина. Нормальное мужское желание - оценить девушку. Я же не евнух. И кстати, я даже не пытаюсь делать намёков в этом направлении. Ты сама заострила внимание на своих прелестях, которые очень даже притягивают мой взгляд. И я могу честно признаться: ты мне очень симпатична. Но ты установила границы, и я их соблюдаю. Пока.

Даша задумчиво посмотрела на него, потом отвела взгляд:

- Вот и именно, что «пока». Начнёшь потом подкатывать, а я не собираюсь наступать второй раз на одни и те же грабли.

- А ты поделись, - мягко сказал Коля. - Поплачься в мою

жилетку. Я тебя постараюсь понять.

Даша помолчала, потом начала рассказывать. Говорила она ровно, без надрыва, будто перебирала старые вещи, которые уже не причиняют боли.

- Меня вырастили бабушка с дедушкой. Отца я не знала никогда. Он исчез ещё до моего рождения. А моя непутёвая мать растворилась на просторах необъятной родины. Оставила меня им и уехала. Иногда присылала открытки, потом перестала. Я даже не знаю, жива ли она. Дед всю жизнь проработал шофёром, бабушка - швеёй. Бабушка с дедушкой умерли, когда я училась в Политехническом техникуме на бухгалтера. От них остался небольшой домик в деревне и эта квартира.

Она обвела рукой кухню.

- Там же живёт мой дядя, старший брат матери, с семьёй. Он кузнец. Раньше работал механиком, и мы все ютились в этой квартире. Потом он с женой и сыном уехал в дедов дом. Дядя Женя сначала трактористом поработал, а потом увлёкся кузнечным делом у местного кузнеца. Теперь делает заказы по эскизам. Своё хозяйство. Его жена работала фельдшером на скорой. Когда переехали в деревню работала по профессии. Теперь на пенсии. У их сына уже две девочки, погодки, - Даша улыбнулась, вспоминая, но улыбка была тёплой, искренней. - У них дом большой построен в соседней деревне, где правление хозяйства.

- А ты? - спросил Коля. - Почему живёшь одна?

Даша снова взяла кружку, отпила, будто собираясь с силами.

- Замуж выскочила в восемнадцать. По любви. Думала, на всю жизнь. Детей не нажили - я училась и работала, всё откладывали. А он ушёл к другой. К моей бывшей деревенской подружке, представляешь? - она усмехнулась, но в этой усмешке не было горечи, только усталая констатация факта. - Разошлись. Потом пытался вернуться. А мне такой подарок судьбы больше не нужен.

- Правильно, - сказал Коля тихо. - Не нужен.

Даша посмотрела на него, удивлённая тем, что он не пытается её жалеть или утешать. Просто принимает.

- Работаю я в техникуме кладовщиком, в котором училась. - Она допила чай. - От деда «Нива» осталась. Каждую пятницу уезжаю, огородом занимаюсь. В воскресенье вечером возвращаюсь. Зимой езжу редко. Родственники за домом приглядывают.

- Много ты, Даша, картошки садишь? - спросил Коля, наливая себе ещё чаю.

- По деревенским меркам - не много, - ответила она. - Выращиваю ещё овощи. Закрутки делаю. Мне хватает.

- А каратэ? - спросил Коля, улыбнувшись.

Даша усмехнулась:

- Занималась в школе несколько лет. Дед настоял. Навыки остались, если что.

Она посмотрела на него, и в её глазах мелькнула едва за-

метная искорка.

- А что, уже проверить хочешь?

- Пока нет, - ответил Коля, поднимая кружку. - Но имей в виду, я предупреждён.

Даша замолчала. Она не ожидала, что говорить об этом будет так легко. Она посмотрела на Колю, на его спокойное лицо, и почувствовала, что на душе и правда стало легче. Будто она скинула груз, который носила в себе столько лет, и теперь воздух стал чище, а мысли - светлее.

Котёнок прервал неловкое молчание. Он умылся, тщательно облизал лапки, потом заметил на полу недоеденную макаронину, которую уронил, когда ел. Он подкрался к ней, присел, и через секунду уже гонял её по всей кухне, подпрыгивая и встряхивая головой.

Коля с Дашей смотрели на него, и оба улыбнулись.

- Надо ему игрушек купить, - сказала Даша, прерывая повисшее молчание. Она помолчала, потом добавила, - Что-то твой дружок не едет? Может, ему позвонить?

Коля оживился, взял телефон с кухонного стола:

- Позвоню.

Он набрал номер Сани, приложил трубку к уху. Несколько секунд слушал, потом нахмурился и убрал телефон.

- Скинул, - сказал он с лёгкой усмешкой. - На подлёте Санёк.

Даша хотела что-то сказать, но в этот момент где-то в прихожей раздался звонок. Она переглянулась с Колей.

- Приехал, - сказала Даша.

Коля встал, подхватил котёнка на руки и направился к двери. Даша пошла за ним.

Саня вошёл в квартиру, огляделся. Увидел Дашу, улыбнулся, протянул руку:

- Саша. Здравствуйте.

- Даша, - ответила она, пожимая его ладонь.

Саня задержал на ней взгляд чуть дольше, чем следовало, потом перевёл его на котёнка, потрепал его за ухо и повернулся к Коле:

- Колян, тётя Паша велела ей написать или позвонить. Номера я тебе скину. Она тебе всё собрала. Домой когда?

Он спросил это, поглядывая на Дашу, и в его глазах читался явный интерес.

Коля взял сумку, поставил на пол, потом сунул Даше в руки котёнка.

- Ты сейчас, а я не скоро, - сказал он и, взяв Саню за плечо, бесцеремонно вытолкал его на площадку. Дверь за ними закрылась.

- Санёк, слюни вытри, - усмехнулся Коля, глядя на друга.

- Колян, а ты где такую кралю подцепил? Хорошенькая. Она свободна? - хохотнул Саня, не скрывая любопытства.

- Где надо, там и подцепил, - ответил Коля, уже серьёзнее. - Катись отсюда. Деньги скину, как утрясу кое-какие дела.

- Ясно. Ты застолбил. Мне с девушкой облом. Остальное - не вопрос, - кивнул Саня. - Жду звонка.

Он пожал Коле руку, развернулся и зашагал к лестнице. Коля подождал, пока его фигура скроется за поворотом, потом вернулся в квартиру.

Даша стояла с котёнком на руках, смотрела на него и ждала.

Коля закрыл дверь, повернулся к ней и улыбнулся:

- Ну что, Даш, теперь я официально с вещами, с паспортом. Можешь его проверить. Штампа о женитьбе нет. Я свободный.

- Больно надо мне твой паспорт поверять. Тем более штампы. Мне за тебя замуж не идти.

Глава 14

Даша скомандовала:

- Теперь спать.

Она поставила котёнка на пол, развернулась и скрылась в маленькой комнате, плотно прикрыв за собой дверь. Коля проводил её взглядом, вздохнул и обратился к котёнку:

- Ник, пойдём, посмотрим, что там тётя Паша положила.

Он подхватил сумку и шагнул в выделенную ему комнату. Котёнок послушно зашагал за ним, цокая коготками по линолеуму. Коля поставил сумку на стул, расстегнул молнию, начал доставать содержимое. Одежда. Обувь. Ноутбук. Паспорт - он задержал его в руках на секунду, усмехнулся, отложил на стол. А вот права не положила. Не смогла.

- И тапочки не положила, - пробормотал он. - А мне без них не комильфо.

Он оглядел комнату. Всё чужое, но уже почти своё. Котёнок сидел у его ног, смотрел снизу вверх, ждал.

- Давай, братишка, спать, - сказал Коля. - Завтра разберёмся.

Он выключил свет и улёгся на диван. Ник тут же прыгнул к нему, устроился под боком, свернулся калачиком. Коля погладил его по мягкой шёрстке:

- Не бойся, я теперь тебя не брошу. Отъешься, будешь тол-

стым и ленивым котищей. Спи.

Котёнок лизнул его руку и замурчал. Коля лежал в темноте, слушая это ровное урчание, чувствуя тепло маленького тела. Он думал о том, что завтра будет новый день. Что нужно купить телефон, симку, игрушки для Ника, продукты. Что нужно поехать с Дашей в деревню. Что нужно позвонить тёте Паше. Он думал обо всём этом, но мысли постепенно становились тягучими, сонными. Усталость от пережитого дня навалилась на него, и он не заметил, как провалился в сон.

Коля проснулся от того, что его лицо подверглось нападению. Сначала он не понял, в чём дело. Потом дошло - это Ник изучал его лапами и зубами. Котёнок тыкался носом в щёку, покусывал подбородок, трогал лапой нос. Коля снял его с себя, прислушался. На кухне уже что-то гремело, шкворчало, пахло чем-то тёплым и съестным. Даша встала.

Он вскочил с дивана, потянулся, хрустнув позвоночником, и направился на кухню. В дверях остановился, зевнул, прикрыв рот ладонью.

- Сколько время?

- Восемь, - ответила Даша, не оборачиваясь от плиты.

- А ты чего так рано встала? - пробурчал Коля, потягиваясь.

- Рано? - Даша обернулась, посмотрела на него, как на нашкодившего школьника. - Это может тебе рано, а я обычно встаю в половину шестого. Из-за тебя сегодня встала на два

часа позже.

Она отвернулась, взяла лопатку, перевернула что-то на сковороде.

- Иди умывайся. Я тебе там новую зубную щётку положила. Костюм твой на вешалку повесила. Рубашки и бельё больше сам не стирай - у тебя это плохо получается. Припалилась твоя сорочка на горячем змеевике. Кстати, из пиджака твоя ручка со стразами выпала, я её во внутренний карман сунула. Полотенце большое тебе там на крючок повесила. Завтрак минут через десять.

Коля стоял в дверях и улыбался: «Эх, Даша, знала бы ты, что это за стразы...» Но вслух ничего не сказал - мало ли, отправит вместе с ручкой подальше от себя. Ему было в этой забытой богом квартире хорошо и уютно, как нигде. Он подошёл к Даше, чмокнул её в щёку - по-дружески, легко.

- Благодарю.

Даша напряглась. Медленно повернулась к нему, посмотрела в упор.

- А ты во всех гостиницах горничных целуешь?

- А я что, в гостинице? - спросил Коля, нагло улыбаясь.

- Почти, - отрезала Даша. - Чтобы это было в первый и последний раз. Шагом марш мыться, чистить зубы. Потом я тебя отвезу по твоим делишкам. И после обеда мы должны ехать в деревню.

Коля посмотрел на неё, прищурившись:

- Ты не с той ноги встала?

- С чего ты взял? - ответила Даша вопросом на вопрос.

- Ты злая сегодня, - сказал он, скрестив руки на груди. - Или ты на меня обиделась, что я ночью к тебе не пришёл?

Даша замерла. Медленно повернулась к нему, и в её руке само собой оказалось кухонные полотенце.

- Договоришься ты сегодня, ваше сиятельство, - процедила она, - что я тебя выставлю за порог.

Она замахнулась. Коля отскочил, ловко уворачиваясь.

- Вот видишь, Дашунь, ты улыбнулась, - сказал он, отступая к двери. - Не дрейф, малышка, всё будет чики-пуки. Я помню, что могу остаться без детородного органа. Я его очень берегу. Он тебе ещё очень пригодится.

Даша покраснела. Перехватила полотенце и швырнула в него. Коля поймал его на лету, рассмеялся.

- Навязался на мою голову, - всплеснула она руками. - Я кота твоего накормила, горшок за ним убрала. Есть готовлю, а он стоит, лыбится, гад. Ещё и шуточки пошлые отпускает. Иди с глаз долой в ванну, а то сковороду на голову надену. Останешься голодным.

Коля только раззадорился:

- В ресторан тогда меня отвезёшь. Ты ж теперь миллионерша. И я вовсе не шутил.

Он кинул в неё полотенцем и скрылся в ванной, закрывшись на шпингалет. Из-за двери послышалось:

- Убью, гад, когда выйдешь!

Коля принял гигиенические процедуры. Напялил на себя

те же боксёры и то, что вчера Даша ему выдала. Вышел из ванной, вытирая лицо полотенцем.

Даша уже сидела за столом. Посмотрела на него и сказала:

- Ты бы хоть дедовы штаны-то снял.

Коля и снял.

Даша выскочила из-за стола и кинулась на него. Коля ловко увернулся и зафиксировал обе её руки за спиной.

- Идиот, переоденься! У тебя шмотки свои есть! Пусти! - зашипела Даша напрочь забыв свои боевые навыки.

Коля наклонился к её уху и прошептал:

- Мадмуазель, нужно изъясняться понятно. Сказала «сними». Я и снял. Сказала бы «переоденься», я бы переоделся.

Он отпустил Дашу и скрылся в комнате со словами:

- Не входи, я голый.

Даша перевела дыхание. По её спине пробежали мурашки. Она потрогала ухо, в которое шептал Коля, и подумала о том, что с этим экземпляром нужно держать ухо востро и думать, что говорить. Она села за стол и продолжила завтракать.

Коля надел на себя всё чистое и с опаской вошёл на кухню. На нём были футболка, спортивные штаны и вязаные носки.

- Даш, это в машину положить? - спросил он, кивнув на снятые вещи, которые держал в руке.

- Положи и садись завтракать, подобрашка.

Глава 15

Завтрак прошёл в относительно дружеской обстановке, хотя Даша и бросала на Колю недовольные взгляды. Коля доел овощное рагу, залитое яйцом и посыпанное сыром - довольно вкусное, надо признать, - и взялся за кружку с чаем, глядя на Дашу.

Она поймав его взгляд, сказала:

- Если ты хочешь немного пожить на моей территории, то не буди во мне зверя.

Она встала из-за стола и повернулась к раковине мыть посуду. Коля смотрел ей в спину.

- Даш, извини, я не хотел тебя обидеть. Если ты не понимаешь шуток, я больше не буду.

Она обернулась, вытерла руки о полотенце.

- Коля, это не шутки. Это прямые намёки на близость. Ты должен принять, что отношения между нами невозможны. Это ты развлекаешься, а я живу своей жизнью. И она что до тебя, что после твоего ухода будет одинаковой. Допивай чай. Я пойду переоденусь и поедем по твоим делам.

Коле совсем не понравилось, что она сказала. Он допил чай. Надел куртку и кроссовки. Взял паспорт, сунул в карман ручку и запонки. Котёнок крутился у ног. Он наклонился, погладил его:

- Ты, братишка, себя веди без нас хорошо. Мы вернёмся и поедем в деревню.

Даша переоделась в джинсы и футболку. Натянула кроссовки и куртку. Погладила котёнка. Взяла ключи, лежащие на полочке, сунула телефон в сумочку. Они вышли из квартиры, спустились по лестнице, вышли из подъезда. Подошли к «Ниве» вишнёвого цвета, которая стояла неподалёку. Даша села за руль. Коля с ней рядом. Между ними висело тяжёлое молчание, которое нарушила Даша:

- Куда едем?

- Давай сначала в какой-нибудь хороший торговый центр. Потом в салон связи. Потом к одному человеку заехать на Арбате. Потом в кошачий магазин.

Но Даша поехала своим маршрутом.

Она довольно уверенно водила машину. Коля таскал её с собой как кошелёк. Он купил всё для котёнка: ошейник, шлейку, лоток, хороший корм, игрушки, лежанку. Купил себе две рубашки на всякий случай, ещё две футболки, джинсы, спортивный костюм, тапочки, ещё трусов и носков, ещё одни кроссовки. Спросил, может, Даша что-то хочет себе. На что она буркнула:

- Телефон без конца брякает от твоих покупок. Так и миллиона не хватит.

Коля ответил:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.